

ЖЕНСКИЕ СУДЬБЫ

Галина ПЕРУН

Счастье для Веры

Самое непростое
в жизни — понять,
какой мост следует
пройти, а какой
сжечь

Женские судьбы (Четыре Четверти)

Галина Перун

Счастье для Веры

«Четыре четверти»

2025

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44

Перун Г. С.

Счастье для Веры / Г. С. Перун — «Четыре четверти»,
2025 — (Женские судьбы (Четыре Четверти))

ISBN 978-985-581-763-6

Когда-то у Веры было все: крепкие объятия любимого мужа и звонкий смех дочки, наполнявший дом радостью. Но после трагедии, забравшей ребенка, Павел не просто отвернулся, он предал ее — обвинил в смерти девочки и вернулся к бывшей жене. Вера, едва не потеряв рассудок от горя, совершает немыслимое — из коляски у магазина забирает чужого ребенка. Малышка становится ее спасением и дарит ей то, чего не могли дать ни врачи, ни лекарства, — надежду, тепло. И Вера считает, что справедливо возвращает себе право быть матерью. Как долго продлится хрупкое счастье, построенное на чужом горе... Что страшнее — вернуть ребенка и снова погрузиться в пучину отчаяния или бороться за свою новую жизнь, рискуя всем...

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44

ISBN 978-985-581-763-6

© Перун Г. С., 2025
© Четыре четверти, 2025

Содержание

Глава 1. Жаркое утро	6
Глава 2. Вера	14
Глава 3. Убийцы по принуждению	29
Глава 4. Неприятная правда	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Галина Перун

Счастье для Веры

© Перун Г. С., 2025

© ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2025

Глава 1. Жаркое утро

Безветренная погода обещала жаркий день. Асфальтированные пешеходные дорожки напоминали мягкий, раскатанный на доске пластилин. Запах битума остро щекотал нос, а вязкая черная масса то и дело налипала на обувь прохожих. Горячий воздух томился и дрожал.

Ника Шевцова в очередной раз выругалась, разглядывая свои испачканные босоножки. Настроение у нее было ужасным. Бесила любая мелочь, и она готова была взорваться и вылить кипучую смесь на любого, кто попадется под руку. А всему виной бессонные ночи, домашняя рутина и свекровь, которая везде сует свой нос. Конечно, не о такой семейной жизни она мечтала. Муж занят на работе, а Рита Петровна всегда торчит дома и целый день то и делает, что с тряпкой в руке героически сражается с пылью. В такой обстановке нет и речи о полноценном отдыхе.

Ника сладко зевнула, посмотрела на часы и перешла на противоположную сторону улицы, где окунулась в приятную прохладу каштановой аллеи.

Магазин «Остров чистоты» только начал свой рабочий день. Придерживая рукой дверь, Ника попробовала вкатить коляску внутрь. Тугая пружина скрипуче запела.

– Вы куда?! – возмутилась рыжеволосая девушка. – С колясками к нам нельзя! Там же на входе написано! Читать надо!

– Почему нельзя? – спросила Ника. – Мне краску купить надо.

– Давайте, давайте! На улицу. – Продавец замахала руками. – Все оставляют! У меня нет очереди, я вас быстро обслужу.

– Что за порядки такие! – пробурчала Ника себе под нос, возвращаясь назад. Посмотрев по сторонам, она поставила колеса на тормоз и вернулась в помещение.

Все эти передвижения заметила девушка в больших темных очках. И как только дверь за Никой захлопнулась, незнакомка ускорила шаг. Поравнявшись с коляской, ловким движением подняла москитную сетку, нежно провела рукой по теплому животу. Осторожно взяла ребенка и, не оглядываясь, продолжила свой путь.

Ника выскочила на улицу, хлопнув дверью. Сняла с тормоза коляску и начала движение в сторону парка. На ходу расстегнула замок в дорожной детской сумочке и уже хотела опустить туда краску, как вдруг ей показалось, что под москитной сеткой ребенка нет, только подушечка. В ногах почувствовалась слабость. Она с силой сорвала сетку. Евы в коляске не было.

– Ева! Боже мой! Ева! – Она в истерике переворачивала и трясла матрасик, будто ребенок мог оказаться там. – Евочка, доченька моя, где ты? Что ж это такое!

Ника осмотрелась. Улица пустая, нет даже прохожих. Куда бежать, где искать, что вообще делают в таких ситуациях? Молотом стучали в голове вопросы. Она бросилась к магазину.

– У меня ребенок исчез! Девушка, помогите! Что делать?

– Как он мог исчезнуть? Может, вылез и отошел куда? – недоумевала продавщица.

– Ей пять месяцев! – визжала в истерике Ника. – Как она могла вылезть!

– Украл, что ли? – растерялась девушка. – Надо в милицию сообщить.

– Как украл? – прошептала Ника. – Мою Еву украл?! Зачем?

Распахнув настежь дверь, она снова выбежала на улицу. Трясущимися руками схватила подушку дочери.

Зачем, зачем ее красть? В нашей стране не крадут детей! По крайней мере, она не слышала никогда об этом в новостях. А чтобы вот так нагло, среди белого дня, в центре оживленного города, где полно народу, кто-то мог ее похитить? Да и зачем? И как вообще такое возможно? За эти пять минут, что она отсутствовала?

Прижимая подушку к груди, Ника металась по дороге, не имея возможности что-то спросить у прохожих, – улица вдруг опустела.

– Ева-а-а! – надрывно закричала Ника, обхватив голову руками.

В ответ только голуби захлопали крыльями, поднявшись с газона на дерево.

– Девушка, а может, кто подшутил? Муж, к примеру? Увидел, что никого нет рядом, взял ребенка и отошел в сторонку. Стоит теперь, наблюдает за вами, – предположила выбежавшая следом продавец. – Дурная, конечно, шутка, но кто его знает. А в милицию я на всякий случай позвоню.

– Это вы виноваты! – обрушилась на нее Ника. – Вы не пустили меня с коляской в магазин! Вынудили оставить ребенка на улице!

– Успокойтесь, а я здесь при чем?

Вдруг, спохватившись, Ника бросилась в соседний двор. Несколько мам сидели со своими чадами в песочнице. У первого подъезда, под кустом сирени, в тенике спрятались две старушки.

– Вы не видели маленькую девочку в зеленом костюмчике с зеленой повязкой на голове? – обратилась сразу ко всем Ника.

Старушки синхронно замотали головами. Женщины из песочницы с уверенностью подтверждали, что чужие дети во двор не забегали.

– Маленькая, маленькая девочка, ей всего пять месяцев! Понимаете! – рыдала Ника, не в силах выдать из себя страшное слово «украли». – Ее из коляски кто-то достал!

Женщины в ответ только удивленно пожали плечами и засобирались домой.

– Ева-а-а! – кричала Ника будто не своим голосом, срывающимся на хрип.

Она обогнула девятиэтажку и попала в соседний двор. Детская площадка была полна детей разного возраста. И ни одного взрослого рядом.

Ника снова вернулась к коляске. Там уже стоял дежурный патруль.

Рита Петровна посмотрела на часы – время еще есть. Погода прекрасная, так что часа три невестка должна гулять на улице. Женщина зацепила края пирога и засунула его в разогретую духовку. Взяла лейку с водой и направилась в комнату сына и невестки. Осторожно приоткрыла дверь, будто сомневалась, точно ли там никого нет. В глаза бросились грязные салфетки на пеленальном столике и разбросанные на кровати ползуны, на полу лежал использованный памперс. От злости Рита Петровна уже и забыла, зачем пришла. Лицо вспыхнуло краской, а нижняя губа, и без того фигурно отвисшая, затряслась в негодовании. Женщина не удержалась и отшвырнула ногой памперс.

Длинный звонок в дверь привел ее в замешательство. Неужели Ника снова забыла взять с собой ключи? А вот если бы пришлось куда уйти? И никого бы не было дома? Надо же, такая рассеянная! И почему-то рано сегодня. На всякий случай женщина посмотрела в глазок.

– Милиция? – в недоумении прошептала она и повернула ключ в замке. – А что, собственно говоря, случилось?

– Рита Петровна! – бросилась к свекрови Ника. – Ева пропала!

– Как пропала? – женщина попробовала улыбнуться, но у нее это плохо получилось. – Ты шутишь? Ника, это дурная шутка такая?

– Девочку действительно украли, – подтвердил милиционер. – Давайте пройдем в квартиру, нам нужно уточнить у вас кое-какую информацию.

– Мою внучку украли?! – Рита Петровна на мгновение перестала дышать. Лицо сильно покраснело. – А ты где была! Куда ты смотрела! Кто у тебя ее украл?

– Ее из коляски достали, пока я в магазин ходила вам краску покупать, – пыталась оправдаться Ника.

– Ты почему девочку одну на улице оставила?! Никогда тебе этого не прощу! Никогда! И Андрей не простит! Вон из моего дома! Вон!

...Ника потеряла счет времени. Сейчас лето, и день длится бесконечно. А этот день вовсе, казалось, никогда не закончится. Сегодня утром ее маленькая Евочка еще была с ней. Она

держала малышку на руках. Даже теперь словно чувствует ее тепло. И в один миг ее девочки не стало.

После ссоры с Ритой Петровной Ника не стала ждать прихода Андрея, спустилась во двор. Несколько минут стояла у подъезда в раздумье. Где ее дочь? Время кормления уже прошло. Девочка голодна. Из-за жары она совсем мало съела детской смеси утром. А что теперь?

В оцепенении Ника ходила по улицам города. Вглядывалась в лица прохожих. Остановливалась у жилых домов и прислушивалась к звукам, доносившимся из распахнутых окон. Казалось, везде плачут младенцы.

К вечеру небо затянуло тучами, на горизонте беззвучно блеснула молния. Повеяло прохладой. После изнурительного зноя это принесло облегчение. Первые капли дождя больно забарабанили по голым плечам. Она будто опомнилась, пришла в себя. Сняла босоножки и босиком пошлепала по горячему асфальту. Все происходящее казалось дурным сном.

К тому моменту, как она вернулась к уже ставшей ей родной за эти три года улице, дождь стих. Дома спали глубоким сном. Лишь одинокие окошки горели синевой ночных светильников. Она поднялась на свой этаж и робко нажала на ручку двери. Заперто. Легонько дотронулась до кнопки, и в ночную тишину ворвались настойчивые ритмичные трели звонка. По шагам за дверью она сразу определила, что это свекровь.

– О! Явилась! Я уже думала, из милиции кто пришел. Хотя о чем тут думать – они что, не люди? Поди, тоже ночью спать хотят. – Не обращая внимания на Нику, женщина щелкнула выключателем и пошла на кухню.

По внешнему виду Риты Петровны было понятно, что она еще не ложилась. Скорее всего, сидела в темноте, так как с улицы в окнах света не было видно.

– Есть какие-то новости? – с дрожью в голосе спросила Ника.

– Это я у тебя хотела бы спросить! Ты же где-то ходила до такого времени! Нашла?! – резко отозвалась свекровь. – Ника! Как ты могла оставить Евочку одну на улице! Как ее теперь найти? Она же вот такая кроха! Я даже боюсь представить, для чего ее похитили!

– Рита Петровна! Замолчите вы наконец!

Ника опустилась на пол и заслонила руками лицо. Слез не было, только ком застрял в горле и мешал говорить.

– Какая же ты мать?! – прошипела над ней женщина. – О чем можно с тобой говорить! Еще и в глаза мне смеешь смотреть!

– Прав тебя надо родительских за это лишить! – Выбежавший из спальни Андрей грубо схватил жену за подбородок. Приблизившись вплотную, зло прошипел: – Если с ней что-нибудь случится, я никогда тебе этого не прощу! О чем ты только думала, оставляя Еву одну?!

– Кто ребеночка без присмотра на улице оставляет?! – не унималась Рита Петровна.

– Мама, идите спать. Уже два часа ночи. Если будут новости, нам позвонят, – попросил Андрей.

– Я не хотела этого! Не хотела! – сорвалась на крик Ника, и слезы, так долго душившие ее, наконец-то прорвались наружу.

– А ты иди под горячий душ, у тебя вся одежда мокрая. Нам только твоей болезни не хватало! – Он развернул ее и подтолкнул в спину.

Как только дверь в ванную комнату захлопнулась, Рита Петровна подошла к сыну.

– Странно все это. Как за пять минут можно было ребенка из-под носа украсть? Неужели никто ничего не заметил подозрительного? Говорит, что краску покупала мне. А где эта краска? Я ее не нашла. Между прочим, я на нее сорок рублей дала.

– Мама! Вот только давай не сейчас это будем выяснять!

– Разбаловал ты, Андрюша, свою жену! Позволил ей полную свободу! А теперь получай! – выразила недовольство Рита Петровна. – А про краску все же спроси.

Из лейки долго шла летняя вода, и Ника никак не могла согреться, озноб сотрясал все тело. Она закрыла кран и укуталась в мягкое махровое полотенце. Едва уловимый запах детского мыла напомнил о Еве. Еще вчера она купала ее в этой ванне. Слезы беззвучно побежали по щекам. Как жить дальше? В коридоре не было света, и она на ощупь прошла в их с мужем комнату.

– Андрей, ты спишь? – тихо позвала Ника, но он не ответил.

Она легла под согретое мужем одеяло, попробовала прижаться к его телу, но тот демонстративно отодвинулся.

– Понимаешь, я только на несколько минут оставила ее, а...

– Я не хочу сейчас об этом говорить. Мне осталось поспать от силы три часа. Если еще удастся, – резко оборвал он.

Сон долго не шел, она просто лежала с закрытыми глазами, вслушиваясь в тишину. Чувствовала, что и муж тоже не спит. Но вскоре с его стороны послышалось ровное глубокое дыхание. Простит ли он ее? А если бы он оказался на ее месте? Что сказала бы Рита Петровна? Да она бы нашла тысячи причин, чтобы его оправдать!

За окном вспыхнула молния, и где-то далеко прозвучали раскаты грома. Крупные капли забарабанили по жестяному подоконнику. Ника скрутилась калачиком и почувствовала, как веки тяжелеют и приятное состояние невесомости расплывается по всему телу. Она постепенно погрузилась в сон...

Одиннадцать! Ника вскочила с кровати. Как она так долго спала?

В кухне за столом сидела свекровь. Одета она была празднично, и создавалось впечатление, что ее застали за минуту до ухода из дому.

– Вы куда-то собрались? Может быть, какие-то новости есть? – робко спросила Ника.

– Какие новости тебя интересуют? Может быть, вот эти! – Она увеличила громкость на телевизоре.

Как раз в этот момент крупным планом демонстрировали фотографию дочери.

– Ева! – Ника больно впилась зубами в свой кулак. Слезы сдавили горло, и несколько минут она не могла ничего сказать.

– Плохо уже от твоих слез! Ни в доме от тебя толку нет, ни за Евой уследить не смогла! Я уже от всех домашних дел тебя освободила – только ребенком и занимайся! Как можно было такое допустить?! – взвинулась Рита Петровна.

– Я не хотела этого! Да если бы я знала, что так выйдет, никогда бы не пошла вам краску покупать!

– Кстати, где она? – вдруг вспомнила свекровь. – Я перетрясла все в коляске, но там ее не нашла.

– Если честно, я даже не помню, куда я ее дела, – равнодушно ответила Ника. – Ребенок пропал, а вы какой-то ерундой интересуетесь!

– Между прочим, эта ерунда денег стоит, и не ты их заработала, милочка! – Рита Петровна помахала пальцем у носа Ники. – Вот теперь иди и ищи, если ты специально не придумала эту историю, или деньги назад возвращай.

– Да ну вас! – процедила Ника сквозь зубы и, схватив с тумбочки свои ключи, выскочила за дверь.

– И сними эти драные шорты! Как не стыдно! – крикнула вдогонку свекровь.

На скамейке у подъезда уже сидели «зрители» – так называла их Ника. Любопытные бабушки из соседских квартир. Громко хлопнувшая дверь заставила их смолкнуть.

– Ну что уставились! – не стерпела Ника.

И только что готовые сочувственно поддержать молодую маму старушки, негодуя, закивали головами вслед.

* * *

Как только ребенок переключался из коляски на руки к Вере, она нежно прижала к себе теплое тельце и ускорила шаг. Свернула за угол дома и через двор вышла на ближайшую остановку. Сразу же заскочила в первый подъехавший автобус и присела у окна. Неважно, какой номер, здесь весь транспорт идет через железнодорожный вокзал. На второй остановке вышла и ускоренным шагом направилась к двадцать третьему пути. Там уже ждала отправления пригородная электричка. Прошла через несколько вагонов и выбрала наиболее пустой. Только присела – раздалось шипение, и двери закрылись, электричка медленно тронулась с места.

Вера выдохнула. Сердце бешено стучало в груди. Все это время она даже боялась взглянуть на малышку, неосторожным движением потревожить ее. Но, несмотря на довольно быструю ходьбу и посторонний шум, та продолжала крепко спать. Вера прижимала девочку к себе, чувствовала ее дыхание, мягкие нежные волосики приятно касались голой руки. Казалось, что это все сон. Сон, который длится уже много месяцев и не дает ей покоя. Мучает ее материнское сердце, а утром рассеивается прахом, оставляя горечь и боль. И вот снова это чувство. Нежное, трепетное чувство любви к ребенку. Его ни с чем не сравнить. Эта любовь – часть тебя, вы одно целое, и ты живешь, дышишь ей. Она дает надежду на жизнь и благополучие.

Вера опустила глаза на ребенка и медленно выдохнула. В этот момент ей хотелось закричать от счастья. Она смотрела на пухлые губки, курносый носик, длинные черные ресницы – и это ей не снилось, было явью.

– Злата! Доченька моя! Как же я по тебе соскучилась! – шептала Вера, вытирая ладошкой набежавшие слезы. – Теперь ты со мной, и я никому не позволю тебя у меня отнять.

На одной из станций дачники заполнили весь вагон. Люди стояли в проходе, и даже тамбур оказался забит до отказа. В этой толпе появился невысокого роста мужчина с гармошкой наперевес и затянул какую-то жалостливую песню. Следом за ним из соседнего вагона влетел газетчик и, не обращая внимания на конкурента, начал громко декламировать заголовки статей из свежих номеров.

Вера сняла с шеи тонкий шарф и легонько обернула им девочку. Сидевшая напротив с ручной кладью старушка мило заулыбалась, глядя, с какой нежностью девушка это делает.

– Дочка? – кивнула она на ребенка, и веселые огоньки засветились в выцветших глазах доброй старушки, глубокие морщины оживились и пришли в движение, оголив улыбкой беззубый рот.

Вера в ответ молчаливо кивнула и растерянно посмотрела на попутчицу. Она боялась расспросов. От большого скопления людей стало немного не по себе. И Вера решила выйти на остановку раньше. Лучше пройти пешком через небольшой лес, чем трястись еще пять минут в жаркой электричке.

На станции вместе с ней людей вышло немного. В основном дачники. И они тут же разбрелись своими тропами.

Она потихоньку спустилась в лес. Сухая трава скользила под босоножками, и Вера боялась споткнуться. Ветер срывал пожелтевшие от засухи листья и не спеша гнал их по земле, обдувал тело, но это не спасало от жары. Вера торопилась.

Двухэтажный коттедж стоял на краю поселка в окружении небольших деревянных домиков. С улицы на всю длину участка шел забор из металлопрофиля. А с задней стороны двора, которая граничила с зарослями кустарника, стоял старенький покосившийся часток. Именно через это ограждение сейчас и планировала Вера попасть на свою территорию. Она уже подходила к дому, как ребенок начал шевелиться и открыл глаза.

– Златочка! – неожиданно имя само слетело с губ. – Маленькая моя девочка! Доброе утро! Это я, твоя мама! Ты меня не забыла? – улыбалась Вера, целуя ручку малышке.

Ребенок внимательно рассматривал женщину.

– Ну что ты меня не узнаешь? Я твоя ма-а-ма-а! Мама! – повторяла Вера, вслушиваясь в это слово. И ей было немного непривычно. Ведь прошло столько времени...

Малышка заулыбалась. Ухватила длинную прядь волос и зажала в пухлом кулачке.

Счастливая Вера рассмеялась и прижала ребенка к себе. Как долго она этого ждала! С большим удовольствием вдыхала запах девочки, и ничего приятнее на свете для нее не было.

– Сейчас мама тебя покормит.

Ловким движением она извлекла из сумочки ключ и открыла дверь. Сняла у порога обувь, босиком прошла на кухню. Набрала из кувшина чистой воды и привычным движением поставила маленькую кастрюльку на конфорку.

– Пока вода нагревается, я покажу тебе твою комнату.

По ступенькам Вера поднялась на второй этаж и распахнула дверь в светлую и просторную детскую. Посреди комнаты круглая деревянная кровать с легким прозрачным балдахином. У стены белый пеленальный столик с полным набором принадлежностей по уходу за кожей ребенка. Здесь же большой угловой диван с множеством мягких подушек. Напольный светильник. Вся стена в детских фотографиях разных размеров.

– Как похожа! Одно лицо!

Девушка провела пальцами по самой большой рамке. Коснулась нежно губами лобика ребенка и подошла к кровати. Откинула балдахин и извлекла оттуда реборна.

– Извини, теперь это место снова будет занято.

Она аккуратно опустила малышку на матрасик. Девочка активно задвигала ножками и ручками.

– Держи! – Вера протянула одну из погремушек. – Теперь это все твое. Тебе нравится?

Ребенок скривил губки и разревелся. Вера снова взяла девочку на руки и, покачивая, вернулась на кухню. Достала из шкафчика коробку смеси и мерной ложкой насыпала нужное количество в бутылочку, затем налила воды, встряхнула несколько раз и, капнув себе на запястье, предложила малышке.

Вечером разыгрался ветер. Взмолнованно застрекотали где-то под крышей ласточки. Надвигалась большая гроза. Вера чувствовала небольшое беспокойство. Чтобы снять напряжение, все же приняла таблетки. Уже несколько дней она о них не вспоминала, хотя мать звонила ей каждый вечер и спрашивала, выпила ли она их. Вера убедительно заявляла, что повода для беспокойства нет, что она строго придерживается назначенного лечения. И не стоит ей каждый день об этом напоминать.

Вера почувствовала необыкновенный прилив сил. Будто темная завеса упала и мир предстал в ярких красках. Ей снова захотелось жить.

Утро началось с поиска вещей для Златы. Пришлось поднять из гардеробной все коробки с детской одеждой. Многие вещи были абсолютно новыми, с этикетками. Вера с удовольствием примеряла девочке костюмчики и платьица. И, по всей вероятности, малышке это занятие тоже нравилось. Спокойный приятный голос убаюкивал ребенка, а вдобавок Вера поставила негромкую детскую музыку.

Погода потихоньку налаживалась, и нужно было собираться на прогулку. К дому подъехала машина. Это был Павел. Вера уже по звуку мотора могла безошибочно определить его автомобиль. Сердце от волнения сжалось. И все же она взяла себя в руки и переложила малышку в манеж. Включила музыкальную карусель и бегом спустилась по лестнице. Она знала, что у мужа есть свои ключи и он может при желании открыть двери. Но Павел никогда этого не делал. Приезжал и нажимал кнопку звонка, ожидая, когда его впустят. Каждый месяц двадцатого числа он привозил для нее деньги в конверте. Отдавал и уезжал. Снова на месяц.

После того, как заглох двигатель в машине, Павел еще несколько минут сидел в салоне. Каждый приезд сюда его мучило двоякое чувство. Он ждал этого дня, чтобы увидеть ее, и долго

не мог настроиться, чтобы сделать это. Заходить в дом ему по-прежнему было тяжело. Вера ничего не меняла. Она жила в своем мире и не позволяла в него вторгаться. Первое время он очень переживал за нее. Справится ли она здесь одна? Когда все, буквально все в этом доме напоминает об умершей дочери...

Мысль о том, что жена причастна к смерти Златы, не давала ему покоя и в минуты одиночества грызла своей навязчивостью. Почему она не сознается? Почему отрицает и винит в этом его мать? Возможно, ее признание и раскаяние помогли бы ему простить ей этот трагический случай.

Кукла-реборн из платинового силикона стала последней каплей терпения. Девочка-пупс, точь-в-точь как настоящий ребенок. Из детской кроватки она смотрела на него живыми глазами. У нее были тонкие выющиеся волосы, какие обычно бывают у младенцев, маленький открытый ротик и даже розовые десенки. После такого зрелища он еще долго не мог прийти в себя. Эта кукла даже снилась ему первое время по ночам. А когда начались ежедневные прогулки с коляской по их небольшому поселку, то смириться с этим уже не оставалось сил.

Попытки вразумить тещу, Нину Ивановну, что эти игры в дочки-матери слишком затянулись, ни к чему не привели. Женщина считала, что так ее дочери легче будет перенести утрату ребенка. И настойчиво просила не рассказывать об этих странностях никому. А потом и вовсе, чтобы усыпить бдительность зятя, показала видео из интернета, где взрослые женщины заводят себе таких вот милых пупсиков и ведут довольно популярные блоги, рассказывая о каждом шаге со своими «детьми».

Павел вышел из машины. После ночного продолжительного дождя чувствовалась приятная прохлада. Ему всегда нравилось это тихое место. Вдали от города, кругом природа. Название «Зеленое» говорило само за себя – со всех сторон поселок был окружен лесом. После душевной квартиры хотелось здесь задержаться. Посидеть на террасе в уютном кресле с книгой, как в прежние времена.

Немного помедлив, он все же нажал кнопку звонка. Вера открыла на удивление быстро. Что-то в ней изменилось за этот месяц. Только вот что? Может быть, то, что она улыбается? Павел смотрел на нее и думал о том, как же все-таки улыбка меняет человека. Перед ним стояла прежняя Вера, которую он так любил. На мгновение ему даже показалось, что он каким-то чудом перенесся в прошлое и между ними нет больше той пропасти.

– Я тебе деньги принес, – первым заговорил Павел.

– Не хочешь зайти? – предложила Вера.

Ее глаза блестели озорными искорками. Павел не сдержался и провел рукой по ее лицу и волосам. Она открыто смотрела на него, точно маленький ребенок, ожидая ответа. Им овладело безудержное желание обнять ее и больше никогда не отпускать. Промелькнула мысль, что взгляд ее абсолютно другой, спокойный и уверенный. Нет безумной суетливости.

Он хотел убрать свою руку, но неожиданно Вера схватила его за запястье.

– Паша, я хотела тебе кое-что сказать, – начала взволнованно она. – Мне очень плохо без тебя. Ты можешь вернуться в наш дом.

– Вера! – прошептал он.

Обняв за плечи, крепко прижал ее к себе. Ощутил знакомый родной запах волос. Как давно он не прикасался к ней! Сердце учащенно билось в груди, и Павел боялся, что она это услышит. Конечно же, он хотел быть рядом с ней! Он думал об этом и ждал того момента, когда она сама предложит ему вернуться.

– Пойдем, я покажу тебе Злату! Она в доме! – улыбалась Вера. – Теперь снова все будет, как и прежде! Мы и наша девочка!

– Вера, ты больна! – поник духом Павел.

– Ты что, не веришь мне? Она в доме! Там, в детской! – убеждала Вера. – Я хочу, чтобы ты поднялся со мной и посмотрел на нее. Пожалуйста!

– Хорошо, хорошо! Я верю тебе! – попробовал успокоить жену Павел. – Мне сейчас нужно ехать. В другой раз я смогу подняться. Я обещаю тебе!

– Твои обещания ничего не стоят, – грустно ответила она. – Уходи.

Вера оттолкнула Павла и отошла в сторону. Ветер трепал ее длинные волосы, и они закрывали лицо. Но это не мешало ему видеть ее глаза. Они смотрели с презрением и обидой. Потом Вера развернулась и убежала в дом.

Первым желанием было догнать ее, но он сдержал свой порыв.

Павел вышел за ворота. Спинай он чувствовал ее взгляд. Не хотел оборачиваться, но все же повернулся и посмотрел на окна детской – они как раз выходили на улицу. Сердце сжалось от боли. За тонким тюлем, у окна, стояла Вера, прижимая к себе ребенка. Она придерживала его за голову, слегка покачивая.

«Кто придумал этих проклятых кукол! – выругался про себя Павел. – Они действительно похожи на настоящих детей!» Они способны свести с ума не только его жену, но и его самого.

Он сел в машину и включил музыку. Лара Фабиан волшебным голосом исполняла *Adagio*, грустно обещая, что счастье где-то совсем близко.

Вот оно, счастье, рядом. Только нужно уметь им пользоваться. А может, стать безумцем, чтобы его снова найти, и погрузиться в ее мир грез, чтобы он стал общим для них. Ему хотелось остаться с ней. Наверное, в этом и заключается счастье – быть рядом с любимым человеком, несмотря ни на что, даже на его сумасшествие. А ведь так было не всегда. И Вера была другой.

Глава 2. Вера

Три года назад

– Вера! Просыпайся! Ну сколько можно валяться в постели! Уже завтрак давно остыл. – Нина Ивановна дергала край одеяла. – Вставай, вставай! Чемоданы свои когда разбирать будешь?

– Ой, мамочка! Я такой сон сладкий видела... Ну к чему спешка? У меня еще целый месяц впереди! Это, между прочим, мои последние каникулы! А потом начнутся трудовые будни, и никуда от них не денешься.

Вера с удовольствием потянулась и отбросила одеяло в сторону.

– Опять скоро уедешь, – вздохнула Нина Ивановна.

– Отработаю распределение и вернусь, не грусти.

Вера обняла мать и щекой прижалась к ее плечу. Нина Ивановна погладила дочь по руке. У обеих возникло чувство неловкости. Мать редко баловала маленькую Веру объятиями, а когда та выросла, и вовсе редко проявляла к ней нежность. Хотя очень скучала по дочери и с нетерпением ждала ее приезда.

Они славно позавтракали всей семьей в саду под яблоней. Вера видела, что родителям приятно говорить об успешном окончании ею медицинского колледжа. Мать с довольным видом поглаживала красную обложку диплома и долго не выпускала его из рук.

– Давай сюда, а то дыру протрешь! – не выдержал наконец отец. – Заберут его в отделе кадров, и будет он там в папочке на хорошем счету. И никто не станет на твои оценки смотреть. Все зависит от того, как ты себя сама зарекомендуешь! Теория – это хорошо, а вот на практике, в реальной жизни, совсем иначе получается. Здесь иногда человека словом можно вылечить. Главное, у медика сострадание должно быть к пациенту, как к своему близкому родственнику, – вот тогда толк будет. А иначе все впустую.

– Где же ты такое видел! – всплеснула руками Нина Ивановна. – Чтобы каждого так любить? Пациенты же разные бывают! И не все чистенькие да ухоженные, а и дурно пахнущие, что подойти к ним страшно! И ты хочешь мне сказать, что ко всем отношение одинаковое? Не смей меня!

– Я сказал не «любить», а «сострадать»! Как самому близкому человеку. А иначе не следует туда идти вообще. Ты, дочь, об этом хорошо помни!

Александр Владимирович небрежно отбросил в сторону свежий номер газеты и, резко отодвинув стул, встал из-за стола. Человеком он был сложным, со своими принципами. Мир для него делился на черный и белый. И если уж он что-то решил, то оно так и должно быть. Свою дочь он любил и воспитывал в строгости. Успехи Веры радовали его, и в душе он гордился, что воспитал ее такой, но внешне никогда не проявлял нужной отцовской теплоты и ласки. Считал это излишним и даже вредным.

– Ой! Учитель нашелся! – отмахнулась, как от назойливого комара, Нина Ивановна. – Верочке вообще не стоит себе этим голову забивать! Она в роддоме будет работать.

– А в роддоме особенно! – поставил точку в разговоре Александр Владимирович и не спеша пошел в дом.

– Вот и поговорили! – вздохнула Нина Ивановна, собирая пустые чашки со стола.

– Он прав, мама! Страшно мне как-то. Распределение хорошее дали. Только вот справлюсь ли я?

– Не одной тебе страшно, у всех так бывает, – успокоила дочь Нина Ивановна. – Еще целый месяц впереди. Отдыхай, набирайся сил!

Ближе к обеду в гости заглянули подруги детства Марина и Света. По старой школьной привычке они старались разговаривать тихо, опасаясь Александра Владимировича, который спал в доме, и отпросили Веру на озеро.

– Ой, Вера! Ничего у тебя дома не меняется! Вроде как и выросла ты, диплом получила, а у родителей отпрашиваться приходится, как и раньше! – с иронией в голосе сказала Марина, связывая на ходу непослушные вьющиеся пряди.

Себя она считала довольно самостоятельной и уже два года как работала специалистом в банке в райцентре. Жила там в съемной квартире. Частенько на праздники девушки собирались у нее посекретничать и поделиться своими новостями.

Веру подруги считали особенной, не от мира сего – но в хорошем смысле. Удивлялись ее терпению и покорности в семье. Тему родителей она принципиально не хотела обсуждать. «Они делают из меня человека! Надеюсь, у них хватит на это сил», – шутила Вера. Света с Мариной в очередной раз только пожимали плечами от таких слов, искренне сочувствуя подруге.

– Месяц остался, а потом уеду, и начнется новая жизнь у меня! – с радостным вздохом заявила Вера.

– Мечтательница! Они тебя и там достанут. Будешь по часам отчитываться и в кино отпрашиваться. Так что без особых иллюзий! – возразила Светлана.

Она была душой компании, маленькая, щупленькая, с непропорциональными короткими ручками и ножками. Часто девушку принимали за школьницу, что невероятно ее злило. Наверное, поэтому Светлана всегда броско красилась, нанося толстый слой пудры, яркие тени и помаду, предпочитала подчеркнуто деловые костюмы и обязательно высокие каблуки. Это делало ее похожей на маленькую женщину. Светлана училась в БГУ на факультете журналистики и очень часто попадала в разные переделки. Переосмыслив случившееся, записывала в свой дневник и, как только представлялась возможность, делилась заметками со своими подругами, чем очень их веселила. Шедевры относились в редакцию какого-нибудь журнала, и после Света со счастливым видом ставила коронный автограф на полосе с увидевшим свет ее детищем. Журналы быстро расходились по друзьям.

За разговором они незаметно вышли к озеру, на свое излюбленное место.

– Ой, девочки, как здесь хорошо!

Марина спустилась к воде и с удовольствием вдохнула на полную грудь озерный воздух. Легкая прохлада приятно обволакивала тело.

– Мне кажется, мы здесь не одни? Слышите, музыка играет? Ого! Какой крутой внедорожник! Кажется, «лексус»! – всплеснула руками Светлана. – У нас есть все шансы сегодня покататься с ветерком!

– Хм! Откуда такие познания? Ты стала разбираться в марках машин? – бросила косой взгляд на подругу Марина. – Хочу тебя разочаровать! На таких крутых тачках простые парни не ездят. Какие-нибудь взрослые дядьки, сбежавшие в нашу глушь от своих жен. Максимум на ветерок и можешь рассчитывать! Не более!

– Действительно, какие-то стремные бородатые мужики! – поморщилась Света. – Вроде как загорают.

– Лучше посмотрите, какой вид отсюда на другой берег. У нас здесь самые красивые места! Мне так этого не хватало, – вздохнула Вера. – А у вас одни мужчины в голове. Вы вообще можете о чем-нибудь другом думать?

– Вера, расслабься, – улыбнулась Света. – Одними красотами природы не проживешь!

Марина вытрясла из сумки надувной матрас и обратилась к Вере:

– Помоги накачать. Специально для тебя взяла, чтобы и ты с нами поплавала, а не сидела на берегу. Может, хоть плавать научишься!

Светлана сбросила одежду и с разбега прыгнула в воду. Глухой всплеск – и брызги разлетелись во все стороны. Вода всколыхнулась, и ровные круги побежали по синей глади. Она проплыла немного вдоль берега и вернулась.

– Девчонки! Водица отменная! Плывите сюда!

Марина сбросила легкий сарафан и осторожно, прощупывая ногой дно, не спеша погрузилась по пояс.

– Так и собираешься торчать там? – обратилась она к Вере, стоявшей на месте. – Давай мы тебя покатаем. Иди сюда! – схватила она за руку попытавшуюся увернуться подругу.

Светлана поддержала инициативу и стала подталкивать Веру в спину.

– Запрыгивай на матрас, не бойся! Мы же рядом будем! Посмотришь, какой вид завораживающий открывается с середины озера. Там есть островок мели, можно даже постоять. Да не бойся ты! – упорствовала Марина.

Вера поддалась напору и вскарабкалась. Когда берег стал отдаляться, она почувствовала напряжение. Но постепенно страх ушел. С обеих сторон за ней плыли подруги. Где-то в соседних камышах громко крикали дикие утки.

Непрошенные гости с противоположного берега оживились при появлении на середине озера плавающего матраса. Они спустились к самой воде и с интересом наблюдали за девушками.

– Здесь мелко, – предупредила Марина. – Можешь слезть. Не бойся. В этом месте маленький островок.

Вера с легкостью соскользнула в воду, но рукой продолжала держаться за матрас. Под ногами чувствовалось твердое дно. Глубина в этом месте доходила максимум до пояса.

Заметив, что подруга успокоилась, Марина предложила Светлане наперегонки сплывать на противоположный берег, а потом вернуться.

Незнакомцы тоже вошли в воду и с интересом наблюдали за Верой, стоящей по пояс в воде почти на середине озера. Они тихо о чем-то разговаривали. Один мужчина выглядел на лет сорок. Он был с небольшими залысинами, высоким покатым лбом, мясистыми щеками и густой растительностью на широкой груди. Второй мужчина был намного моложе, хотя его лицо окаймляла аккуратная угольно-черная бородка, а волосы были туго стянуты в маленький пучок на затылке.

Отчетливо рассмотреть лица незнакомцев Вера не могла из-за разделявшего их расстояния. Да девушка особо и не пыталась глядеть в их сторону. Она забралась на матрас, легла на живот и опустила руки в воду, чтобы тихонько грести.

Вдруг ей показалось, что какая-то сила очень быстро относит ее в сторону. Испугавшись, что может оказаться на глубине, Вера соскочила с матраса, но, вопреки ее ожиданиям, ноги не нащупали твердое дно, а провалились в пустоту. Тело с головой ушло под воду. Девушка попыталась ухватиться за край матраса, но у нее не получилось. Вода попала в глаза, уши, нос, неприятно саднила горло. От беспорядочных движений матрас относилось все дальше. И чем сильнее она барахталась, тем сильнее ее засасывало в водоворот. Девушку парализовал страх. Охватило осознание неизбежности и беспомощности. Она закашлялась, пытаясь избавиться от воды и сделать вдох. Но в глазах потемнело, и голубое небо отделилось. Она не видела и не слышала, что происходило вокруг. Отчетливо почувствовала, как пласт воды накрыл ее тело.

Некоторое время мужчины с берега наблюдали за красивой девушкой, стоявшей на отмели. Зрелище захватывало. В серебристых волнах купалась настоящая русалка. Вьющиеся льняные волосы, стянутые в легкую косу, нежно обвивали шею и грудь хозяйки, плавно спускаясь в воду. Если бы не двуногие подружки, весело хохочущие на другом берегу, то стоило бы перекреститься и тихо покинуть чудесное место.

После недолгих раздумий мужчины окунулись в приятную прохладу водоема и не спеша взяли курс к незнакомке. И вдруг что-то пошло не так. Девушка неожиданно соскочила с матраса и ушла с головой под воду. Неужели не умеет плавать? Спустя несколько секунд ее голова показалась на поверхности, но криков о помощи не последовало. Подружки с противоположного берега соскочили со своих мест и бросились к ней.

Не раздумывая, один из мужчин прибавил скорости и в считанные секунды уже был рядом с Верой.

– Паша! Заплывай сзади! Иначе потянет за собой! – волновался отставший.

Павел набрал в легкие воздуха и нырнул в том месте, где еще недавно шла борьба за жизнь. Почти сразу же наткнулся на обмякшее тело, ухватил его и поднял на поверхность. Где-то рядом должна быть мель. И в самом деле, буквально в метре от этого места оказалось твердое дно.

* * *

Вера очнулась. Чувствовала она себя ужасно. Все тело колотил озноб, и дышать было больно. Время от времени навязчивый приступ кашля сдавливал горло. В голосе появилась хрипота.

– Ну что, жива? – нагнулся к ней мужчина. – Меня Владимир Николаевич зовут. А вот это Павел, твой спаситель.

В ответ Вера простучала зубами: говорить ей было тяжело.

– Возьмите плед, набросьте его на плечи, сразу согреетесь, – улыбнулся Павел. – Он очень теплый. Берите, берите.

– Вы, девушка, так нас напугали, что у меня до сих пор коленки трясутся, – присел рядом Владимир Николаевич. – Это судорога ноги свела, или вы плавать не умеете?

– Не умею, – отрицательно покачала головой Вера.

– Ого! – присвистнул мужчина. – Плавать не умеете, а на середине озера тогда что вам понадобилось? Хороши ваши подружки! Нечего сказать!

– Кто же знал, что так получится? – начала оправдываться Марина. – У нас здесь места знакомые, никто никогда не тонул. Да и вообще, я слышала, что именно так и учат людей плавать! Бросают в воду без предупреждения. Срабатывает инстинкт самосохранения. Человек сам старается выплыть.

– Очень хороший метод! Паша, ты слышал?! – рассмеялся Владимир Николаевич.

Павел не вникал, о чем говорит его коллега. Он смотрел на испуганную девушку и думал о том, какие у нее удивительные васильковые глаза! Неестественный бледный цвет лица делал их еще более выразительными. Мокрые волосы слиплись в отдельные пряди и выглядели сейчас темнее, чем на самом деле. Она напоминала ему обиженного ребенка, который вот-вот разревется, но из последних сил пытается себя сдерживать.

Владимир Николаевич между тем продолжал:

– Это если каждого, кто хочет научиться плавать, вот так бросать на глубину, то, думаю, статистика по утопленникам в вашем районе пойдет вверх.

– Можно подумать, мы специально! – присела рядом с подругой Света. – Вера, не молчи! Скажи хоть слово! Мы сами очень сильно испугались! Тем более что сегодня повод у нас есть хороший. Собирались отметить.

– Вера? Вас зовут Вера? – удивился Владимир Николаевич. – Давно не встречал такого имени. А что за повод-то?

– Да ну вас! – отмахнулась Вера, и легкий румянец пробежал по ее щекам. – Ничего особенного.

– У Веры красный диплом! – похвасталась Светлана. – Может, и вы к нам присоединитесь, раз уж так вышло? Если честно, мы с Мариной очень испугались! И наше огромное спасибо на фоне того, что вы сделали, просто ничтожно. Если бы с нашей подружкой что-то произошло, – девушка сплюнула три раза через левое плечо, – ее родители, а в особенности отец, утопили бы нас в этом озере. Так что вы и наши души спасли!

– А вы, Вера, специалист в какой области?

Владимир Николаевич присел рядом с расстеленным покрывалом и ловким движением подцепил крупную виноградину, покрутил ее в пальцах и положил в рот.

– В акушерстве. Буду работать в роддоме.

– Вы совсем на медика не похожи, – подключился к беседе Павел. – Я всегда считал, что врачи – волевые люди, безжалостные, что ли, а вы мне больше ангела напоминаете. А вообще, я только рад присоединиться к вашему торжеству! У нас тоже кое-что имеется. Мы с Владимиром собирались порыбачить здесь дня два. И, естественно, с собой прихватили всякой всячины. Если никто не против, предлагаю перейти сразу на «ты». Честно говоря, я от этого официоза уже порядком устал. Хочется побыть немного просто Пашей.

– Так сразу на «ты» тяжело перестроиться. Но у нас еще есть время до вечера, я думаю, мы исправимся, – кокетливо улыбнулась Марина. – Вы, наверное, занимаете какую-нибудь руководящую должность, раз так говорите? И борода у вас такая солидная для пущей серьезности?

– Ну можно сказать и так, – рассмеялся Павел. – Горный инженер. Вам это о чем-то говорит?

– Конечно, говорит, – с заинтересованным видом знатока присела рядом на корточки Светлана, подперев рукой подбородок. – Может быть, еще и «Славкалий»? Нежинского горно-обогатительного комбината?

– Откуда такая осведомленность?

– Я журналистка, – гордо произнесла Светлана. – В курсе всех событий должна быть. Это крупнейший инвестиционный проект в истории Республики Беларусь. В прошлом году я писала статью о запуске в эксплуатацию второго предприятия в Беларуси по добыче калийной руды. Наша страна может стать лидером на мировом калийном рынке.

– Честно говоря, удивлен такими познаниями, не ожидал в столь тихом месте встретить журналиста, – усмехнулся Владимир Николаевич. – Обычно я их нутром чую. Они люди суетливые, сто вопросов в минуту задают.

– Я вижу, вы часто с ними сталкиваетесь? Наверное, тоже из руководящего состава? – повела бровью Светлана.

– Да, как-то приходится сталкиваться. Иногда, – ушел от ответа мужчина. И, посмотрев на Павла, добавил: – Наш скромный Павел, он же Павел Викторович, руководит проектом по строительству нашего подземного комплекса. Тоже иногда встречается с вашей братией.

– Я предлагаю девушкам переместиться на наш полуостров. Владимир взял с собой домашнее виноградное вино, приготовленное по особому рецепту его бабушки. Думаю, такого вина вам еще не приходилось пробовать. Вера, давайте вашу руку. – Павел широко улыбнулся. – Это успокоит и придаст сил.

Без лишних уговоров Вера встала и последовала за своим спасителем. Ее холодные пальцы оказались в теплой ладони нового знакомого...

Когда они все вместе добрались до места, где остановились мужчины, Павел усадил Веру на складной стульчик, а сам расположился рядом на траве. Спустя минуту из литровой узорчатой бутылки Владимир Николаевич, не жалея, разливал бордовую жидкость по стаканчикам. Затем, привстав на одно колено, перешел к тостам.

Солнце розовым шаром медленно катилось по неровным зубчатым макушкам елей, отбрасывая длинные причудливые тени на землю. День незаметно близился к концу. Огненная дорожка засеребрилась через все озеро. Жара спала, и полчища комаров атаковали берег.

Зная, что родители будут волноваться из-за долгого ее отсутствия, Вера засобиралась домой. Павел вызвался провожать. Подружки весело захихикали им вслед. Владимир Николаевич вежливо попрощался, оставшись с Мариной и Светланой.

У дома Павел не сдержался и поцеловал Веру в губы, такие мягкие и податливые. Шелковистые локоны приятно щекотали ему лицо, от них пахло озерной свежестью. Как только Павел выпустил девушку из своих объятий, смутившись, она тут же его оттолкнула и хотела убежать. Но он крепко схватил ее за руку.

– Я завтра смогу тебя увидеть? – Павел не отпускал ее руку, перебирая пальцы.

– Не знаю, – Вера пожала плечами и побежала домой.

Павел еще постоял некоторое время, пытаясь запомнить двор и калитку: в сумерках они все для него были одинаковыми.

Едва забежав в сени, Вера прислонилась к стене и перевела дух. Сердце сильно стучало в груди. Стараясь не шуметь, она тихо пробралась в свою комнату и, не включая свет, приблизилась к окну. Павел все еще стоял, а потом, несколько раз оглянувшись на окна, не спеша побрел в сторону озера.

Она долго не могла уснуть. За стеной у родителей негромко разговаривал телевизор, а вскоре и он смолк. Ночная тишина незаметно опустилась на дом, только настенные часы продолжали громко тикать.

Вера лежала на кровати у окна и сквозь тонкий тюль смотрела на крупную мерцающую звезду. Небо было глубоким и черным, а звезды – далекими и недостижимыми. До сих пор она чувствовала прикосновение его губ, и это было приятно. Вновь и вновь она прокручивала в памяти последние минуты их расставания. Вскоре навалилась дремота, веки отяжелели, и она погрузилась в глубокий сон.

Утром во всем теле чувствовалась ломота и горло обложило с двух сторон. Острая боль не позволяла говорить и глотать пищу. Столбик термометра предательски застрял на отметке тридцать девять. Вера с грустью смотрела в окно, понимая, что никакой встречи с Павлом сегодня не будет, а может, она и вовсе никогда уже его не увидит.

Сбитая таблетками температура к вечеру поднялась вновь, все тело стал сотрясать озноб. Вера закуталась в толстый плед и послушно выпила принесенный мамой парацетамол.

Хлопнула калитка, и спустя минуту в комнату заглянула Марина.

– Привет! Ты че, болеть вздумала? Там тебя этот твой Павел весь день прождал!

– Тише! – скорчила гримасу Вера, показывая жестом на дверь.

– Сколько они тебя будут контролировать? – понимающе понизила тон девушка. – Ты и жениха своего от них прятать будешь?

– Не смешно! У меня пока нет жениха, и неизвестно, когда появится! – фыркнула Вера. – Не хватало еще моим родителям узнать про вчерашнее. Они тогда точно меня никуда не выпустят.

– Немудрено так и в девках остаться! Не боишься? – улыбнулась Марина. – Да ладно, шучу я, шучу! С твоими-то данными тебе это не грозит. Павел только про тебя и спрашивал. Я еле отговорила его сюда прийти. Иначе бы он точно заявился. Уехал без настроения.

– Как уехал? – сердце Веры сжалось.

– Ну как? На машине, вместе с Владимиром. Мы со Светкой до обеда тебя прождали, решили, что ты психанула на него, поэтому и не пришла. – Марина покрутила в пальцах градусник и вернула его на место. – Кто же знал о твоей температуре? Жаль, конечно, такой мужчина видный. Могла бы с ним закрутить, тем более скоро в Минск уезжаешь, а он там живет.

Всю неделю Вера провалялась дома в постели. Несколько раз забежали подружки спросить о самочувствии. Вера скучала, и даже любимое чтение не приносило должного удовольствия. Девушка то и дело ловила себя на мысли, что читает между строк, не вникая в текст, — она думала о Павле. Вспоминала его лицо, нежные прикосновения, и в груди что-то сдавливалось.

Воскресное утро выдалось солнечным и теплым. После недели болезни наконец-то можно было встретиться с подругами. Но вначале Вера решила помочь матери с домашними делами. Их набралось много, работа затянулась.

После полудня Александр Владимирович сидел за столиком в саду и пересматривал последние номера газет. Неожиданно тишину нарушил притормозивший у калитки внедорожник. Мужчина даже присвистнул от удивления, прокручивая в памяти всех своих знакомых. Кто бы это мог быть? Отложил в сторону прессу и поспешил к воротам. Блестящий новенький «лексус» немного смутил Александра Владимировича, а выскочивший навстречу ему улыбающийся молодой человек с большим букетом ромашек и вовсе ввел в замешательство.

— Здравствуйте! — протянул ему руку незнакомец. — Вера дома?

Александр Владимирович присмотрелся к парню, пытаясь вспомнить, не видел ли он его раньше. Выразительное лицо окаймляла короткая смоляная борода, в ухе сверкала серьга. Озадаченный появлением гостя, он подал в ответ руку.

— Павел! — представился молодой человек.

Пропустив гостя вперед, Александр Владимирович поспешил следом.

Неожиданное появление Павла застало Веру врасплох. Лицо залил густой румянец. Она и не предполагала, что тот может вот так запросто явиться к ней домой.

Вера долго не могла найти вазу для цветов, хотя та стояла у нее под рукой. Голос от волнения немного дрожал, и она боялась себя выдать. Поэтому предпочла просто помолчать, пока шел разговор. Судя по реакции родителей, те даже не поняли, что Павел приехал к ней.

Видимо, они были настолько шокированы, что даже не стали возражать, когда молодой человек попросил разрешения прогуляться с их дочерью.

Оставив машину на краю дороги, они шли вдоль поля. Павел с удовольствием наблюдал за Верой: с какой легкостью она шла, как изящно нагибалась и срывала луговые цветы, как любая мелочь, будь это бабочка или кузнечик, вызывала у нее радость и восторг. Когда она улыбалась, маленькие ямочки появлялись на щеках, а глаза светились озорными искорками. И все в ней было прекрасно — звонкий, как колокольчик, смех, глубокий, проникающий в самое сердце взгляд, неловкое смущение и непритворная доброта. Чистота и наивность этой девушки моментально завладели сердцем Павла. Каждый раз, встречаясь с ней глазами, он ощущал, как тело пронимала легкая дрожь. Ничего подобного с ним раньше не происходило. Он боялся дотронуться до нее, хотя очень желал этого, боялся нарушить безукоризненную чистоту.

Они еще долго гуляли по окрестностям, с наступлением темноты спустились к озеру. Белый туман густо окутал деревья и прозрачным покрывалом лег на воду. Небо еще было светлым, а над лесом полыхал багряный закат. Где-то совсем близко, в камышах, завели песню лягушки. А потом сумерки сгустились и пение прекратилось.

Сидя рядом на земле, они долго смотрели в черное, мерцающее звездами небо. Изредка до них долетали звуки музыки, рев мотоциклов и смех молодежи — деревня не спала. А здесь, у озера, была своя тишина, наполненная звуками природы. Кричала какая-то ночная птица, назойливо звенели комары. И совсем близко, у берега, рыба билась хвостом по воде. Им вдвоем было настолько хорошо и спокойно, что не требовалось никаких слов.

— Знаешь, я даже не думал, что для счастья нужна такая малость, — нарушил молчание Павел. — Мы просто вслушиваемся в тишину, держим друг друга за руки, а эмоции переполняют меня. Вера, я всю неделю думал о тебе. Не мог дожидаться выходного, чтобы приехать сюда. Не поверишь, но эти сорок минут дороги показались мне такими долгими. Я летел на

скорости к твоему дому и боялся, что могу ошибиться и не найти его. К тому же я не знаю твою фамилию, вообще ничего о тебе не знаю, кроме того, что у тебя есть подруги Света и Марина. И в то же время мне кажется, словно я знаком с тобой уже много лет.

Его губы коснулись ее волос, она чувствовала, как он вдыхает их запах. И ей было приятно его прикосновение. Ее сердце стучало так громко, что казалось, его слышит весь мир. Неожиданно он заключил ее лицо в свои теплые ладони и поцеловал в губы.

– Пойдем, я провожу тебя, а потом вернусь за машиной. Мне хочется, как и в прошлый раз, пройтись по улице. Я должен сегодня вернуться в Минск: мои родители будут волноваться. Просто так торопился к тебе, что не успел их предупредить, что буду поздно. Я у них единственный сын, к тому же поздний ребенок. Мне почти тридцать, а моя мама до сих пор меня ждет и не ложится спать. Если иногда с друзьями засиживаюсь в кафе, она потом меня, как школьника, все утро вычитывает. Хочет побыстрее женить и передать в надежные руки.

– Представляю! – вздохнула Вера, предчувствуя неприятный разговор дома. – Наверное, все родители так себя ведут. Когда-нибудь и мы станем такими.

– А выходи за меня замуж? – Павел взял ее за плечи и повернул к себе лицом. – Я обещаю быть тебе хорошим мужем.

Вера рассмеялась.

– Ты делаешь мне предложение?

– Нет, еще не делаю. Я спрашиваю. Если ты согласишься, я сделаю. – Он серьезно посмотрел ей в глаза.

– Мне казалось, что для этого нужно время. Обычно люди встречаются не один месяц или даже не один год, узнают лучше друг друга, а потом уже приходят к такому решению.

Они подошли к дому. Света в окнах уже не было, и Вера облегченно выдохнула. Теперь оставалось очень тихо зайти во двор и незамеченной проникнуть в свою комнату.

– Я завтра снова приеду.

Он обнял ее, но она ловко выскользнула из его рук и убежала. Павел еще несколько минут стоял у калитки, а потом направился к машине.

Стараясь не скрипеть половицами, Вера на ощупь пробиралась в свою комнату. И как только она оказалась на месте, неожиданно зажегся свет.

– Что нам думать, Вера? – строго спросил Александр Владимирович. – Ты где сейчас была?

– С девочками гуляла, – старалась говорить как можно спокойнее Вера. – Вы чего не спите?

– Не ври! Это что за ухажер такой объявился? Ты почему села к нему в машину? – злился отец. – И еще наглости хватается делать невинное лицо!

– Да что с вами случилось? Вы чего так взбудоражились? Мне уже двадцать лет, а вы панику подняли. Я что, не могу на улицу выйти?

– Марина со Светой вечером к тебе приходили, – внесла ясность Нина Ивановна. – Так что не нужно сюда подруг впутывать.

– А-а-а. И вы решили, что я вас обманываю?

– Молчать! Я не позволю, чтобы моя дочь со взрослыми бородатыми мужиками на машине ездила! Дома будешь сидеть, если не знаешь, как себя вести нужно!

– Папа! Он не бородатый мужик! Сейчас так модно, понимаешь? Это стиль такой! И нет ничего предосудительного в том, что мы покатались. Я что, не могу сама решить, с кем мне общаться?

– Пока живешь в моем доме, я буду решать, с кем тебе общаться! – щелкнул выключателем Александр Владимирович. – Спокойной ночи!

– Тише, тише, Саша, не нужно так! Иначе снова поднимется давление! – уговаривала Нина Ивановна мужа, поглаживая по руке.

Еще долго в комнате родителей был слышен взволнованный голос отца. Вера боялась его гнева и прекрасно понимала, что он может осуществить свои угрозы. Тогда она точно не увидится с Павлом.

На противоположную стену струился лунный свет. Рассматривая узоры на обоях, Вера вспоминала приятные минуты у озера. До сих пор ее тело чувствовало нежные прикосновения его рук. Даже неприятная сцена с родителями не могла омрачить ее настроение. Непременно хотелось со всеми поделиться своей радостью – она влюбилась! Влюбилась в этого мужчину! И неважно, сколько ему лет.

Утро следующего дня не принесло ничего хорошего. Отец еще злился на нее и не принимал никаких объяснений. Вера решила не спорить, а подыграть родителям. Весь день она помогала матери на участке, а к вечеру начала собираться на улицу. Лучше уйти до приезда Павла. В какой-то момент ей показалось, что хлопнула калитка, но в дом никто не вошел. Вера выглянула в окно и увидела, что отец разговаривает с Павлом. Ей очень хотелось выбежать, но она решила повременить. Сквозь прозрачную занавеску хорошо просматривался весь двор. Отец эмоционально размахивал руками перед носом молодого человека, а потом открыл калитку и выставил его. Вера впопыхах натянула свитер и выскочила в коридор. На пороге путь ей преградил отец.

– Куда собралась! Раздевайся, куда не пойдешь!

– Папа! Что ты ему сказал?!

– Сказал то, что должен был сказать добропорядочный отец. Надеюсь, у него не хватит наглости заявиться сюда еще раз! В Минске себе пусть ищет девушек для развлечения! А я не для того воспитывал свою дочь, чтобы она позорила меня, разъезжая на машине с незнакомыми мужиками! Скоро вся деревня говорить будет! Откуда он только взялся на мою голову!

– Ну почему ты так поступаешь со мной! – голос Веры дрожал от волнения, она вот-вот готова была разреваться. – У Паши и в мыслях не было ничего дурного по отношению ко мне! Он очень порядочный, а ты плохо о нем думаешь! Пусти меня, я хочу сама ему все объяснить. Пожалуйста!

– Я по два раза не повторяю! Марш к себе в комнату!

На шум прибежала Нина Ивановна.

– Зачем ты так, Саша? Пусть бы поговорили. Он не уехал, сидит в машине. Как-то не по-людски получается.

– Не вмешивайся! Разбаловала ее своим сюсюканьем, скоро совсем родителей уважать перестанет! Я ей сказал в комнату идти, значит, пусть идет и сидит там!

Машина Павла некоторое время еще стояла у дома. Вера видела, как отец вышел со двора и жестом показал уезжать.

Чтобы ее не слышали, Вера ревела в подушку. Она впервые влюбилась, впервые почувствовала, как учащенно бьется сердце и не хватает воздуха в груди.

В субботу забежала Марина. Вид у нее был взбудораженный: подруге явно не терпелось что-то рассказать.

Как только Нина Ивановна оставила их наедине, Марина сразу выпалила:

– Ну ты даешь, Верунчик! Тихоня тихоней, а этот минчанин ради тебя перевернул всю деревню, пока меня нашел!

– Зачем? – опешила Вера.

– Просил передать, что он тебя сегодня будет ждать у здания школы с девяти вечера, – покосилась на дверь девушка. – И что тут у вас произошло? Твой папаша так смотрел на меня, будто я ему на хвост соли насыпала.

– Все как всегда, ничего не меняется. У меня опять домашний арест! – вздохнула Вера.

– Я тебе сочувствую! С такой гиперопекой никогда замуж не выйдешь! А если и повезет, то Александр Владимирович вплотную займется твоей семейной жизнью, без него и шагу не сделаете!

Марина встала со стула и нервно зашагала по комнате.

– Подумать только: тебе двадцать лет, а ты на улицу выйти без разрешения не можешь!

– Что мне делать? Я не смогу с ним встретиться! – расстроилась Вера.

– Надо что-то придумать, не раскисай раньше времени. У тебя родки во сколько спать ложатся? – задумалась Марина. – Можно подождать, пока все уснут, и тихо выйти.

– Да поздно! В том-то и дело, что, пока отец не пересмотрит все, телевизор работает до полуночи. К тому же он может ключи забрать. И что тогда? В трубу лезть?! – всхлипнула Вера.

– О! Это идея! – подняла палец вверх подруга. – Пойдем к тебе в комнату.

Вера скептически смотрела на Марину, которая принялась тщательно обследовать окно в ее спальне.

– Лучше и не придумаешь! – заявила она. – А телевизор в соседней комнате очень даже кстати. С вечера открой защелку, зашторь и жди подходящего времени. Сама бы уже давно догадалась! Дерзай! Удачи!

Мысль о ночном побеге весь день не выходила у Веры из головы. Она уже измучилась тягостным ожиданием. День тянулся как никогда долго. Нужно продумать все тщательно. Пришлось достать старые кроссовки из шкафа и припрятать их под кроватью. Точно так же незаметно перекочевали туда джинсы и свитер. Поужинав с родителями, Вера переоделась в пижаму и несколько раз прошлась по дому. Потом легла в постель и укрылась с головой. Сердце бешено колотилось в груди. От одной мысли, что она поступает нехорошо, становилось гадко на душе.

Она слышала, как шумит вода в ванной, потом мать щелкала выключателями на кухне и в прихожей. Спустя минуту босые ноги прошлепали к ее комнате и остановились. Дверь тихонько скрипнула. Вера знала, что сейчас мама пожелает ей спокойной ночи и уйдет. Так и случилось. Не услышав ответа, женщина направилась в свою спальню. Прошло добрых полчаса, прежде чем Вера отважилась вылезть из-под одеяла. Она долго не решалась снять пижаму. Стояла, прислушиваясь к звукам телевизора. Вероятно, шел концерт – до нее доносились до боли знакомые слова из песни Газманова: «Мои мысли, мои скакуны...»

Она бесшумно распахнула окно, и приятная ночная прохлада дохнула в лицо. В голове шумело от перенапряжения. Уцепившись за край подоконника, спустилась и ногами нащупала фундамент дома. Прикрыла окно, прыгнула на землю. Мелькали размытые голубые тени в спальне родителей. Вера согнулась и осторожно, стараясь не наступить на сухие ветки яблонь под ногами, прошла сквозь сад на задний двор. Оказавшись на огороде, она почувствовала себя уверенней. Услышала ночные песни сверчков – до этого все звуки заглушало биение сердца. По хорошо утоптанной меже Вера вышла на соседнюю улицу и со всех ног бросилась к школе.

Его белую рубашку она заметила издали. Остановилась перевести дыхание и услышала, как застучали по асфальту его каблуки.

– Я знал, что ты придешь! Знал! – заключив Веру в объятия, он закружил ее в легком танце.

Они долго бродили по улицам. Павел рассказывал о своем детстве, о том, как мечтал стать космонавтом, как впервые увидел на пастбище настоящих коров, как завидовал друзьям, которые на все лето уезжали в деревню. Они вместе смеялись над его историями, и им было хорошо. Вера не хотела говорить о своих родителях и была благодарна Павлу, что он ни о чем не спрашивает. Они незаметно вышли на окраину деревни. Темной полосой впереди лежал лес. Месяц уже не был таким ярким и спустился почти к самому горизонту. Начинало светать, и звезды незаметно гасли, растворяясь в небесной бездне. По правую сторону дороги, будто шляпки грибов, сквозь утренний туман проступали копны сена.

– Как же здесь пахнет! – с удовольствием глубоко вдохнул Павел. – Давай спустимся туда. Ты спала когда-нибудь на сеновале?

– Да, раньше очень даже часто.

– Наверное, это здорово – лежать на сене и всю ночь любоваться звездами! – мечтательно произнес Павел.

– Наверное, да, – рассмеялась Вера. – Вот только с сеновала звезд не видно!

– Почему? – искренне удивился он.

– Да потому что крыша мешает!

– Ах да! Как же я не подумал об этом! – расхохотался Павел. – У меня никогда не было такой возможности, а в жизни нужно все попробовать, поэтому мы с тобой как бахнемся сейчас в эту кучу!

Он с разгона нырнул в небольшую приземистую копну и потянул Веру за собой.

– Ай! Ты что делаешь? – испугалась она. – Завтра придут хозяева и будут ругаться!

– Никто не узнает, что это мы! – шептал Павел.

Девушка опустила на колени, утопая ногами в колкой охапке. Повеяло приятным теплом и влагой. Он потянул ее за руку, и она послушно легла ему на грудь. Едва ощутимый запах парфюма и сухой травы заставил ее сердце биться сильнее.

– Вера, мне так хорошо и спокойно с тобой, как никогда и ни с кем. Я торопился жить и много где побывал, в разных странах и городах. Но такого спокойствия и умиротворения никогда не чувствовал. Я не хочу возвращаться домой. Если бы я мог, то загадал бы, чтобы эти минуты длились бесконечно. Посмотри на это звездное небо – сейчас оно наше! Мне нравится слушать стук твоего сердца, гладить твои волосы.

– Нам нужно идти. Скоро совсем рассветет. Родители могут обнаружить, что меня нет, – грустно сказала Вера.

– Пожалуй, я никуда не поеду. Перегоню машину к озеру и буду тебя ждать. Ты сможешь днем незаметно ко мне прийти? – вдруг оживился Павел.

– Не знаю, наверное, смогу. Днем проще. И подозрений меньше.

В последние дни Нину Ивановну мучила бессонница. Вроде бы с вечера она хорошо засыпала, а под утро приходилось подолгу лежать с открытыми глазами. Душные ночи не приносили полноценного отдыха. В комнате заметно посветлело. Нина Ивановна прислушалась к ровному дыханию мужа. Не стоит его так рано будить. Она тихо выскользнула из-под одеяла и, стараясь не скрипеть половицами, на цыпочках пробралась к двери, всунула ноги в тапочки и вышла на улицу. Небо на востоке розовело, вот-вот должно было показаться солнце.

Она присела на маленькую скамеечку под окном. Еще не спала утренняя роса. Женщина собрала рукой прозрачные капельки и подула на ладонь. Редко бывают такие минуты, когда, никуда не торопясь, можно насладиться утренней прохладой. Домашнее хозяйство отнимает много времени, и уж совсем нет дела до всей этой красоты.

Откуда-то вылез рыжий кот, лениво потягиваясь, подошел к ней и стал ласкаться. Нина Ивановна вернулась в дом и спустя минуту уже угощала усатого молоком. Благодарно мурча, кот принялся лакать, разбрызгивая мелкие белые капли.

Тишину нарушил скрип калитки. Нина Ивановна прислушалась. Наверное, показалось. И вдруг, что-то почуяв, залаяла соседская собака. Будто в подтверждение, что кто-то незаметно пробежал в сад, звякнула оконная рама с той стороны дома. Может быть, снова бродячие коты? Чтобы развеять сомнения, она пошла на огород – калитка открыта. «Надо же. Вроде бы вчера ее сама запирала. Как так?» – размышляла Нина Ивановна.

Стараясь не шуметь, заглянула в комнату дочери. Спит, накрывшись с головой одеялом. Она уже хотела уходить, как в глаза бросились кроссовки. И зачем только она сюда их притащила? Нина Ивановна присмотрелась: на полу виднелись свежие следы от обуви. В сердце неприятно кольнуло, она еле сдержала порыв гнева. Бесстыжая! Как она могла так обвести

их вокруг пальца! Неужели самовольно уходила? Первым желанием было поднять мужа и все рассказать, но потом она немного остыла и решила понаблюдать за дочерью.

Весь день Нина Ивановна ходила как не своя. Мысль о том, что дочь ночью куда-то ушла, очень беспокоила ее. Поначалу она жалела, почему со всем этим не разобралась на месте. А потом и вовсе, глядя на Веру, не могла себе представить, как ее дочь могла на такое решиться и так поступить с родителями. Скорее всего, это игра воображения. Молодежи свойственно разбрасывать свои вещи где попало, а потом снова возвращать их на место. Не могла Вера до такого додуматься. Поэтому, как только дочь попросилась к подругам, она без лишних слов отпустила ее и приступила к обыску комнаты. Что искать, она толком не знала. Кроссовок к этому времени на том месте, где их видела, уже не оказалось. Зато нашлись джинсы и свитер, в которых, вероятнее всего, вчера дочь и выходила на улицу. Нина Ивановна принялась их пристально рассматривать. Джинсы как джинсы, пахнут порошком, ничего в них особенного нет. Она бросила штаны на стул и уже хотела уходить, как вдруг ей показалось, что из кармана что-то торчит. Двумя пальцами извлекла из него сухую травинку. Схватила вязаный свитер и поднесла к окну. Между петлями красовались мелкие сухие стебельки и семена. Сено! Руки Нины Ивановны обомлели, в ногах почувствовалась слабость. Она шумно опустилась на кровать. «Рассказать мужу о ночных похождениях дочери? Наверное, это дурная идея. Неизвестно, как он отреагирует. Еще меня саму же и обвинит в случившемся, – размышляла Нина Ивановна, перебирая вещи в руках. – Нужно срочно отправить Веру в Минск к родственнице. Там будет под наблюдением и не посмеет позорить родителей».

Вера возвращалась домой счастливой. Она вспоминала последние минуты их расставания. Павел очень долго держал ее за руки. Ее тонкие изящные пальцы полностью прятались в его широких ладонях. Казалось, до сих пор она чувствует их тепло. Они договорились встретиться на прежнем месте. Скоро, совсем скоро они беспрепятственно смогут гулять по улицам Минска.

Нину Ивановну просто распирало от переизбытка чувств. Она то и дело выходила на улицу и всматривалась в дорогу – дочери не было видно. И вот наконец-то стукнула калитка, под окном мелькнула светлая голова Веры. Нина Ивановна напряглась.

– Ты куда ходила? – прямо спросила она.

– К девчонкам, – попробовала улыбнуться Вера, предчувствуя недоброе.

– Вчера тоже к ним бегала? – наступала мать.

Вера замешкалась с ответом и густо покраснела.

– В глаза мне смотри, – прошипела Нина Ивановна, схватив рукой подбородок дочери. – Бесстыжая! Как только могла до такого додуматься! Это он тебя надоумил в окно лазить?

Опустив глаза, Вера молчала. Она могла оправдаться и сказать, что это все выдумки – ночью она спала. Ведь ее не поймали за руку. Но она не умела врать.

Неожиданно откуда-то Нина Ивановна извлекла свитер и бросила его в лицо дочери.

– Докатилась! Чего уже больше от тебя ожидать?! Подумать только! Моя дочь по сеновалам шастает! Стыд совсем потеряла! Ты же нас с отцом позоришь! Скоро вся деревня знать будет! Ты хоть понимаешь, что делаешь? Взрослой захотела себя почувствовать?

– Мама, ты все не так поняла! – всхлипнула Вера. – Ни на каких сеновалах я не была!

– А я и не буду разбираться! – Мать сделала равнодушное лицо и присела на диван. – Пусть отец этим занимается. Я не собираюсь покрывать твои встречи. Ты бы лучше подумала, какие такие интересы могут быть у взрослого мужчины к такой девочке, как ты!

– Мама! Ну когда вы уже с папой поймете, что я не маленькая? Мне двадцать лет! – надрывным голосом ответила Вера.

– Это не дает тебе право нас позорить! Мы в деревне уважаемые люди! Не хватало только в подоле принести!

– Мама! Что ты такое говоришь! Неужели ты так можешь обо мне думать? – Веру накрыло волной гнева.

* * *

Рядом с серыми многоэтажками пряталась под кронами деревьев улица Бумажкова. Вдоль асфальтированной дорожки, как грибы, стояли уличные водозаборные колонки, а фасады кирпичных домов пестрели желтыми газовыми трубами. Почти в каждом дворике имелись небольшие хозяйственные постройки, а под окнами были разбиты клумбы. В один из таких двориков они и свернули. Цементная дорожка вела к низкому деревянному крылечку, оплетенному лианами дикого винограда.

Вере никогда раньше не приходилось бывать в гостях у тети, но они часто общались по телефону и заочно хорошо знали друг друга. Маргарита Андреевна была двоюродной сестрой ее матери. Женщина уже давно не работала и находилась на заслуженном отдыхе. Муж ее умер в довольно молодом возрасте, детьми они так и не успели обзавестись. Маргарита Андреевна ухаживала за собой и в свои семьдесят лет выглядела весьма приятной дамой. Слегка подкрашенные тонкие брови, едва приметный румянец и голубые выразительные глаза. Волосы ее от природы были густыми, имели естественный цвет, и лишь кое-где пробивалась седина. Костлявые длинные пальцы были заключены в массивные перстни с камнями. Вероятно, хозяйке нравились всякие безделушки, так как ее запястья и шея были увешаны бижутерией.

Запах жилища встретил приятным ароматом томящейся в духовке курицы. Хозяйка готовилась к встрече с родственниками и накрыла большой раздвижной стол. Они застали ее в кружевном переднике и кухонных варежках у плиты.

За столом все улыбались и шутили, будто на самом деле ничего не произошло. Лишь Вера молча ковырялась вилкой в своей тарелке: ей не хотелось участвовать в этом фарсе. После отъезда родителей она обнаружила в своем телефоне новую сим-карту. Все контакты были беспощадно удалены. Зачем? Зачем они так с ней поступают?!

С каким нетерпением она ждала этих дней! Много раз думала о том, как спустится в метро и насладится подземным миром, услышит непривычное для слуха дребезжание трамваев. «Макдональдс» широко распахнет перед ней свои двери. Теперь радостное, волнительное ожидание переросло в неприязнь и обиду.

* * *

Неделя показалась ему очень длинной. Неожиданное знакомство с Верой встряхнуло Павла, и привычный уклад его жизни изменился. Теперь он не мог дожидаться субботы, чтобы снова поехать в деревню за сто километров ради нескольких часов встречи с ней. Эта красивая девушка не выходила у него из головы, с нежностью и теплотой он вспоминал ее образ. И вот наконец-то наступили выходные. Он снял с вешалки отглаженные рубашку и брюки, вдохнул запах свежести и улыбнулся. Мать всегда следила за его рубашками, не позволяла их носить больше трех дней. Вот и теперь она наверняка встала пораньше и подготовила все необходимое в дорогу, налила кофе в термос и упаковала с собой бутерброды.

Как только сын поделился с Еленой Игоревной своей новостью, она по глазам поняла: мальчик влюбился. В душе появилась приятная радость за него. А все недопонимания с ее родителями – это временные трудности, и они вполне преодолимы. Неужели ее сын с хорошими манерами, двумя высшими образованиями, отлично владеющий английским и французским, да еще при такой должности может не подойти кому-то в качестве зятя? К тому же и не это самое главное. Павел хорошо воспитан и никогда не позволит обидеть кого бы то ни было. Он честный и порядочный, даже чересчур. Таких еще поискать!

* * *

Как некстати дождь! Теперь не будет возможности посидеть у озера, побродить по деревне в поисках свободной скамеечки. Сыро и неприятно. Павел не мог ждать до вечера, ему не терпелось скорее увидеть Веру, обнять ее и до самого рассвета не выпускать из объятий. Всю неделю он только об этом и думал. Непонятно, по каким причинам не было с ней связи. Абонент все время был вне зоны доступа. Возможно, в отдаленных точках сеть плохо ловила сигналы.

Он проехал по соседней улице, откуда хорошо просматривался ее дом. Во дворе было пусто, ни одной живой души. Впрочем, шел дождь, было бы удивительно кого-то встретить.

Павел поехал к озеру и остановился у того места, где еще недавно они с Верой сидели на берегу. Набрал ее номер. Долго шли гудки, а потом мужчина ответил, что никакой Веры здесь нет и быть не может, так как ошиблись номером. Голос показался очень знакомым. Павел задумался – без сомнения, это отец Веры. Первым желанием было пойти к ее родителям и поговорить с ними. Почему они так препятствуют встречам? Сколько времени они собираются держать дочь взаперти? Что за средневековье?! Неужели такое может происходить в наши дни? Вера уже взрослый человек, а они полностью подчинили ее себе. Да и в чем, собственно говоря, загвоздка? В том, что их дочери достался жених не такой, каким они себе его представляли? Их злит серьга в ухе и модная борода? А крутой внедорожник и вовсе позор для честной рабочей семьи? Неожиданно Павел сам себе улыбнулся. Вполне вероятно, что, когда он станет зятем в их семье, новоиспеченный тесть начнет посягать и на его свободу, того и гляди, потребует гладко выбриться и зашить дырку в ухе! «Ну нет! Не дождетесь! И Веру я от вас заберу! Так что держитесь!»

* * *

Павел хорошо помнил, где должна работать Вера: она неоднократно об этом ему говорила. В понедельник, пораньше освободившись, он направился в отдел кадров нужного роддома. Немного обаяния и напористости сделали свое дело, и молодой человек уже знал не только отделение, но и график дежурств любимой на месяц.

Павел взял с заднего сиденья цветы. Спрятал букет за спину и отошел немного в сторону от ворот, чтобы не бросаться в глаза. Веру он заметил сразу. Несмотря на непогоду, она гордо шла вперед, не горбясь и не втягивая голову, будто и не было вовсе этих вихрей и неприятных холодных дождевых крапин. Белые пряди волос путались и застилали лицо, мешая смотреть. Вера придерживала их одной рукой, а второй – подол короткого, облегающего по талии открытого сарафана, который то и дело норовил улететь с ветром, обнажая красивые ровные ноги.

– Вера! Хорошая моя! Что ты со мной делаешь! Как ты могла исчезнуть так надолго! Я чуть нашел тебя! – шептал Павел, подойдя сзади и обняв ее.

...Совершенно неожиданный поворот событий заставил Веру воспрянуть духом и вновь почувствовать себя счастливой. Она словно вынырнула на поверхность и задышала на полную грудь, как тогда, на озере. Правда, приходилось постоянно лгать Маргарите Андреевне, уходя из дома на очередное свидание. Чтобы у родственницы не возникло подозрений, Вера всегда вовремя возвращалась. Ждала несколько минут, пока Павел уедет, и для полной конспирации прятала букетики за соседский забор.

Так незаметно пролетела осень, а за ней и первый месяц зимы. Близились новогодние праздники. Родители ждали Веру домой. Они часто созванивались с Маргаритой Андреевной и радовались, что все встало на свои места. Бородатый ухажер исчез, а Вера взялась за ум и полностью погрузилась в работу.

За несколько дней до наступления Нового года, как это часто бывает, из-за болезни сотрудницы график дежурств сместился и Вере выпало работать первого января. Поехать домой не получалось. С одной стороны – это обстоятельство немного огорчало, ведь она хотела увидеть мать и отца, а с другой – Павел уже давно настаивал встретить праздник в кругу его семьи. И вот этот момент наступил.

Проспект Независимости светился огнями, в воздухе царило праздничное настроение. Навстречу, улыбаясь, шли люди. Перед тем как подняться в квартиру Павла, они посетили торговый центр Dana Mall, полюбовались шикарной елью и чудесными инсталляциями. Приятная атмосфера волшебства будоражила воображение. В кондитерском отделе Павел выбрал торт, и они поспешили к дому.

Елена Игоревна оказалась весьма подвижной женщиной. Она встретила их у порога и сразу же вручила Вере тапочки. Помогла раздеться и пригласила не куда-нибудь, а на кухню. Несколько секунд, улыбаясь, она мягко смотрела Вере в лицо, а потом обняла ее за плечи.

– Вера! Перестань стесняться! Мы уже столько о тебе слышали от Павла, что мне не терпелось скорее познакомиться. Честно говоря, именно такой я тебя и представляла. Думаю, мы обязательно подружимся. Сейчас вместе будем накрывать на стол. А чтобы не запачкать твое красивое платье, вот тебе фартук.

Она даже не успела опомниться, как руки Елены Игоревны обвили ее талию и тут же ловко повязали фартук. Затем женщина извлекла откуда-то краб и собрала ей волосы в хвостик. Вере были вручены столовые приборы для сервировки. Павлу – нож и ананас. Для Виктора Романовича, отца Паши, тоже нашлось задание – натирать до блеска фужеры.

Прошло не более часа, а Вера уже чувствовала себя уютно, как дома. Сложилось впечатление, что она давно знает этих людей.

Они сидели рядом, и Паша незаметно под столом держал ее руку. Вера была очень счастлива: она никогда не встречала Новый год в такой теплой обстановке. Елена Игоревна заставляла отведать с праздничного стола каждое блюдо, а Виктор Романович так и норовил плеснуть шампанское ей в бокал. Ровно в двенадцать они вышли во двор и запустили салют. Небо то там, то тут вспыхивало разноцветными огнями. В соседних дворах всюду хлопали салюты. От прохожих сыпались поздравления, люди смеялись и шутили. У Веры закружилась голова. Они поднялись в квартиру, и Елена Игоревна подала гуся с черносливом и яблоками.

Елка мерцала огнями, и причудливые тени бегали по потолку. Вера сидела в мягком кресле, рядом, свернувшись калачиком, дремал британец Боник. Весь вечер он присматривался к незнакомке, подходил совсем близко, принюхивался, но, как только его хотели погладить, изворачивался и убегал прочь. И все же любопытство взяло верх, кот позволил почесать ему за ухом, а потом и вовсе вскарабкался на колени. Павел аккуратно переложил кота на диван, достал из шкафа два теплых пледа, и они вышли на балкон.

Морозный воздух приятно щипал лицо. Вид на здание Национальной библиотеки завораживал: яркая иллюминация с тысячами огней так и притягивала к себе взгляд. Гигантский алмаз то и дело менял рисунки и узоры на своих экранах, а потом исчезал, растворялся в темноте, будто и не было его, а спустя секунды вновь возрождался несущимся метеоритом, освещающая пространство.

Они стояли рядом друг с другом и любовались этим великолепным зрелищем. Павел прижался к ней холодной щекой, крепко заключил в свои объятия. Запах мужских духов приятно щекотал ей нос. Вера смотрела на ночной город и думала о том, что никогда не была так счастлива.

Глава 3. Убийцы по принуждению

Первое января – выходной день, но не для Веры. Перед праздником была большая выписка, многие под расписку попросились домой. Ирина Ивановна, акушерка с двадцатилетним стажем, устало улыбнулась и поздравила с наступившим Новым годом.

– Как прошло дежурство? – Вера склонилась над столом, просматривая истории поступивших. – Что-то густо у вас!

– Как всегда! Праздник начинается, обязательно кого-нибудь привезут, принесут, или сам придет, или еще чего, – посетовала коллега. – Главное, до двенадцати все спокойно было, а потом как пошло, как поехало... Мы шампанское даже и не открывали. Стоит в ординаторской в холодильнике. Там и бутерброды, и салаты в контейнерах – все осталось. Так что, если время будет, угощайтесь. И шампанское вашей смене оставляю.

– Экстренное что-то было?

– Держи, – Ирина Ивановна хлопнула историей по столу. – Еще и вашей смене достанется. В девятой палате женщина поступила. Двадцать две – двадцать три недели беременности. Женская консультация еще 30 декабря отправила ее к нам, а она решила Новый год дома встретить, утром первого явилась.

– Прерывание? – сердце Веры сжалось в страхе.

– Да, девочка моя, привыкай. Рано или поздно тебе все равно с этим пришлось бы столкнуться. Конечно, первый раз тяжело будет. Я тоже сначала даже плакала, а потом взяла себя в руки. Кому-то же надо эту работу выполнять. Если не справишься, позовешь врача или дежурную с другого поста.

– Хорошо, – поникшим голосом ответила Вера. – Может, она не родит на моей смене?

– Молись, чтоб родила днем! А иначе до утра вам с ней возиться!

Как можно дольше Вера старалась не заглядывать в девятую палату. Сделала инъекции на десять часов, раздала таблетки и приступила к заполнению систем. Несмотря на то, что в отделении не осталось свободных мест, капельниц было не так и много. Она уже хотела выходить из процедурного, как к ней постучались. В дверь заглянула молодая приятная девушка лет двадцати.

– Здравствуйте, я пациентка из девятой палаты, – тихим голосом произнесла она.

Вера вопросительно смотрела на женщину, не понимая, что ей нужно.

– Это я. – Она оглянулась в коридор и прикрыла за собой дверь. – «Искусственница», вам, наверное, коллега уже передала по смене? Я хотела у вас спросить, нельзя ли как-то эту процедуру ускорить, – женщина замялась, подбирая слова. Видно было, что ей тяжело говорить, она стесняется и не знает, как выразить свои мысли. – Я вообще этого не хотела! Я хотела его родить! Понимаете? Думаете, мне легко далось это решение? Я же чувствовала, что он там живой. Съем пирожное, и он активно шевелиться начинает. Любит сладкое. Вечером с мужем лежим в кровати и гладим его, разговариваем с ним. Он тогда просыпается и давай там буянить. А нам так весело и хорошо. А потом это дурацкое УЗИ показало, что у нашего малыша множественные пороки внутриутробного развития. Если он родится, то будет инвалидом и не сможет нормально жить. А я его уже полюбила. Он у меня внутри, и я сейчас не знаю и не вижу, какой он! Я просто его люблю, потому что это частичка меня, частичка моего мужа. Во мне живой человек! Он чувствует мое настроение, чувствует, что я ем, чувствует мои эмоции, когда я волнуюсь. Он мне доверяет и думает, что внутри меня он в безопасности! А я подписала все эти страшные бумаги!

– Успокойтесь! Я прошу вас!

Вера в растерянности стояла рядом.

– Как я могу успокоиться! – Маска боли исказила лицо женщины, и она обняла руками свой живот. – Я никогда себе этого не прощу!

– Зачем вы себя терзаете? Не думайте об этом. Вернитесь в свою палату, я позову врача, – Вера старалась говорить уверенно и не показывать, что тоже расстроена.

Близился вечер, а пациентка из девятой палаты терпеливо лежала в кровати. Через определенные промежутки времени ее лицо кривилось от боли, но она никого не звала. Вера не могла понять, что она испытывает к этой женщине. Почему она вообще думает о ней?

В отделении о таких пациентках говорить не принято. Вера не слышала осуждения в их адрес, но и сочувствия тоже. Они просто были, и все. Их передавали по смене, но все же какая-то нотка неприязни проскальзывала, поскольку персоналу приходилось выполнять неприятные манипуляции. Обычно об этом старались не думать. Ты просто выполняешь свою работу, и тебе уже не до размышлений о гуманности. Стараешься не думать, не рассматривать абортируемый материал и, заполнив документы, передаешь его на исследование. Это нелегкая, но необходимая работа, и со стороны выглядит, будто медик не человек, а отлаженная машина, которая не испытывает эмоций и все стерпит.

Настало время ужина, женщины с чашками потянулись в столовую. Вера зашла в палату. На мгновение ей показалось, что женщина уснула, глаза ее были закрыты.

– Соболева! С вами все хорошо?

– Я не хотела, не хотела вот так... – женщина заслонила руками лицо и заплакала.

Спустя полчаса пациентка родила, и Вере пришлось самой выполнить всю необходимую работу.

Утро второго января выдалось солнечным и морозным. Снег весело скрипел под ногами прохожих. Небо прояснилось, рассеялась привычная серость. Они договорились с Павлом встретиться в девять у ворот больницы, но Вера специально вышла пораньше. Ей не хотелось никого видеть. Почти сразу же подъехал полупустой автобус.

Маргариты Андреевны дома не оказалось, скорее всего, еще не вернулась из гостей. На столе лежала записка, в которой сообщалось, что вся еда в холодильнике. Вера собрала вещи и спустя сорок минут уже стояла на выезде из Минска, ожидая маршрутку.

На повороте в деревню она вышла. Можно было ехать дальше до самого дома, но она не стала этого делать. Хотелось пройтись, подышать свежим воздухом. Неожиданно Вера изменила решение и направилась в противоположную сторону к лесу – там между двумя деревьями, в низине, стояла маленькая церквушка.

Последний раз она здесь была позапрошлой весной с подругами на Пасху. Светке нужно было писать какую-то статью в местную газету, и она попросила за компанию с ней сходить.

На входе Вера купила свечу и вошла. Пожилая женщина управлялась с тряпкой, оттирая воск у подсвечников. Недавно закончилось служение, прихожане разошлись. Стояла гулкая тишина, только слышно было, как потрескивает огонь от свечи. Вера стояла у иконы Божьей Матери. Молиться она не умела, да и креститься тоже. Просто без мыслей стояла и смотрела перед собой. Странное чувство овладело ею, хотелось плакать, и она плакала не стесняясь. Слезы беззвучно катились по щекам, подбородку, капали на шарф.

Неприятное чувство тревоги ушло. Настроение у Веры заметно улучшилось. Стараясь не упасть на скользкой дороге, она мелкими шажками семенила в сторону дома. Набрала Павла и несколько минут с ним разговаривала, попросила прощения за свое странное поведение. Теперь вчерашнее дежурство уже не казалось ей таким ужасным.

Дома стояла наряженная елка. И хотя Вера не предупреждала о своем приезде, родители ее ждали. Все как и прежде, никаких обид и напоминаний о недавних неприятных событиях. Будто и не ссорились они никогда. Много расспрашивали о жизни в Минске, о работе, о коллективе. О Павле ни слова, как и не было его вовсе.

Когда отец ушел в свою комнату смотреть телевизор и они с матерью остались одни, Вере очень захотелось ей открыться: рассказать о Паше, о его родителях, о том, как они любят друг друга. И она уже была готова это сказать, как вдруг Нина Ивановна сама спросила:

– Надеюсь, теперь ты выбросила из головы этого Павла?

– Почему ты сейчас вспомнила о нем?

– Вера, мы с папой очень хотим, чтобы ты была счастлива. Ты не маленькая и должна сама понимать. Он уже взрослый. Ну какие общие интересы у вас могут быть? Что самостоятельный мужчина может хотеть от такой наивной девочки, как ты? Поиграться с тобой? Ты же сама говорила, что он занимает высокое положение, при деньгах, вон одна машина сколько стоит. Неужели у него в Минске нет женщин его возраста? И вообще, кто знает, может, он женат? Или был женат. И возможно, у него уже есть дети. Будет всю жизнь платить алименты!

– Почему у вас все так сложно? – вздохнула Вера. – Неужели нет пар с большой разницей в возрасте, которые любят друг друга и живут счастливо? Главное, чтобы мы понимали друг друга, разговаривали на одном языке и нам вместе было интересно!

– Значит, я права! – закивала головой Нина Ивановна. – Он все-таки нашел тебя и там!

– Мама, давай не будем ссориться. Я хотела приехать и отдохнуть дома.

Вера включила чайник и поставила на стол чашки.

– Ты будешь чай или кофе?

– Увиливаешь от ответа, значит? Смотри не пожалей потом! Отец доверяет тебе. Поберегла его нервы и не рассказала, как ты летом в окно лазила, – серьезным тоном заявила мать. – К тому же ты собиралась учиться дальше. Надеюсь, готовишься к поступлению в вуз в этом году?

– Я передумала в мед идти. Если и буду поступать, то только не туда. Это не мое. Хорошо, что я не поступала сразу, после окончания колледжа, и у меня была возможность попробовать себя в медицине. Иначе потратила бы время зря и пришлось бы потом забирать документы.

– Вера! Что ты надумала! – Лицо матери выглядело испуганным. – Ты хоть отцу не скажи такое! Мы столько сил в тебя вложили! Красный диплом! А ты заявляешь, что это не твое?

– Совершенно верно, мама, ты понимаешь!

Вера присела на корточки возле матери и положила ей руки на колени.

– Вы с папой за меня сделали выбор. Вспомни, как я не хотела туда идти. Я боялась крови, да и сейчас мне жутко от всех этих зрелищ! Но вы не слышали меня!

– Ну а куда бы ты пошла? На дизайнера? Что это за профессия такая? – Нина Ивановна оттолкнула дочь и нервно заходила по комнате. – Вот она, вся твоя благодарность – зайцу под хвост!

– Хотя бы и на дизайнера, мне это нравится, к тому же сейчас довольно востребовано.

Вера разлила по чашкам кипяток и опустила в воду ароматные пакетики.

– Даже не смей говорить отцу! Ты меня поняла? – Нина Ивановна склонилась над дочерью. – У тебя хорошая профессия! Белый чистый халатик, руки мараить не надо, в уюте, в тепле, не нужно стоять у станка смену или мокнуть под дождем, работая на улице. Посмотрела бы я тогда на тебя! Вилами в колхозе махать всегда успеешь!

– Ну почему сразу вилами? – обиделась Вера. – Мама, мне плохо там, понимаешь? Вчера женщина родила мертвого ребенка, и мне нужно в таких случаях быть рядом и смотреть на это. А я не могу! Не могу себя пересилить! Мне жалко ребеночка и роженицу жалко!

– И мне жалко! Любому жалко станет – это же человек! Научись прятать свои чувства! Не ты первая. Думаешь, твоим коллегам не жалко? Но они же делают свою работу? Правильно я говорю? Опыт придет с годами. Научишься относиться к этому спокойно. Везде есть издержки профессии.

– Как у тебя все просто!

Вера отодвинула свою чашку в сторону и встала из-за стола.

– Я пройдусь немного. Может, Марина приехала на выходные.

На улице заметно стемнело, зажглись фонари. Вера вышла за калитку и повернула в нужную сторону. Она точно знала, что мать сейчас стоит у окна и подсматривает за ней. Вера не собиралась идти к подруге, сейчас ей необходимо просто погулять на свежем воздухе, успокоиться. Почему с матерью нет взаимопонимания? Хочется довериться, поделиться наболевшим, а в результате одни упреки и поучения. С детства родители учили ее поступать правильно и рассудительно, не общаться с плохими детьми, добиваться хороших оценок и стремиться быть первой в классе. А когда встал выбор профессии, то никто и не подумал прислушаться к ее желаниям. Отец заявил, что они прожили жизнь и им виднее, что для их дочери будет лучше.

* * *

У здания Центрального автовокзала ее встречал Павел. Он сразу же подхватил сумки Веры и запихал их в багажник своего автомобиля. Включил подогрев сиденья.

– Замерзла? Сейчас согреешься. Здесь неподалеку есть классная кофейня «Шерлок Кофе Холл». Она открылась недавно, но уже очень популярна. В маленьком помещении живет дух Англии.

– Уговорил! – улыбнулась Вера.

– Я очень скучал, пока тебя не было. Не удирай больше от меня так надолго. – Он наклонился к ней и поцеловал в губы. – Пристегнись! Вперед за десертами!

Они расположились в мягких креслах напротив красного пианино. Павел заказал тосты с авокадо, вялеными томатами и яйцом, бельгийский шоколад и кофе «Пестрая лента» с куркумой. Спустя минуту на оригинально оформленных двух сердечках принесли брауни с орешками. Играла красивая фоновая музыка...

* * *

Время летело незаметно, пасмурные дни сменились солнечными. В городе почти растаял снег, лишь на окраинах и в парках еще виднелись грязные сморщенные сугробы. Все сильнее журчали ручьи, с крыш барабанила капель. В воздухе пахло весной.

Накануне 23 февраля поступила молодая девушка на прерывание беременности. Свободных мест хватало, и Нику Вертушкину положили в отдельную палату напротив сестринского поста.

Естественно, огромную роль сыграли ее родители. Вероятно, они настояли на этом роковом решении, чтобы скрыть позор. Обычно в таких случаях люди больше думают о своей репутации, нежели о судьбе дочерей и нравственности. Вера пожалела девушку, ведь она так молода и неопытна, что не осознает полностью своих действий и их последствий.

Скорее всего, натерпевшись за ночь непрерывных схваток, Вертушкина тысячи раз раскаялась в своем поступке. Когда идет нормальный процесс родов, женщина знает, что терпит боли не зря, ведь спустя несколько часов ее ждет вознаграждение за все мучения – маленький теплый комочек, в котором живет частичка тебя и частичка любимого человека. Прерывание беременности несет в себе пустоту, которую ничем не заполнишь. Материнство – это огромное счастье, но не всем выпадает возможность его испытать. В твоих руках кроха, она – продолжение тебя, твоего рода. Но печально, когда на тебе может закончиться род.

Дверь в палату Вертушкиной была приоткрыта, и оттуда постоянно доносились стоны. Вера уже намеревалась зайти к пациентке, но сдавшая смену коллега остановила ее.

– Даже не смей! Пусть кричит! В следующий раз чтобы неповадно было. Достала уже всех! Пусть прочувствует как следует! Ты думаешь, на таком сроке легко медицинские пока-

зания сделать? А ей сделали! Молодцы родители, позаботились о дочери, ничего не скажешь. И хватило же совести у кого-то диагноз приписать!

– Я хотела капельницу посмотреть, – возразила Вера и решительно вошла в палату.

– Что вам всем надо! Что вы все ходите, смотрите на меня! Дайте мне обезболивающее, сколько можно терпеть! Я сейчас сдохну!

– Нужно успокоиться, – попросила ее Вера.

Она внимательно посмотрела на девушку. Вид неважный: лицо бледное, под глазами отеки, слипшиеся влажные волосы растрепаны по подушке.

– Старайтесь дышать глубоко.

– Вертушкина! Ты снова за свое! – В палату вошла дежурный врач Валентина Андреевна. – Я тебе сейчас такую таблетку дам, что всю жизнь помнить будешь! Мы тебя сюда не звали, по своей воле пришла. Так что терпеть будешь столько, сколько придется! На твои слезы никто не поведется! Еще не таких видели.

– Не ваше дело! – процедила Вертушкина сквозь зубы.

– Снова вену подкалывать нужно, все под кожу пошло! Будешь дергаться – я тебя привяжу! – пригрозила пациентке Валентина Андреевна и направилась к выходу. – Вера, перекалывай в другую руку.

Рука в локтевом сгибе сильно припухла и была холодная на ощупь. Вера извлекла иглку и попросила придержать шарик пальцем. Пациентка недовольно проскрипела зубами, но требование выполнила. Указательный палец с красным длинным ногтем демонстративно лег на вздутый от раствора бугорок кожи.

На тумбочке настойчиво вибрировал телефон. Вера вскользь бросила заинтересованный взгляд на абонента. Брюнет Ваня явно беспокоился и не думал отступать.

– Ну что, успокоилась? – В палату в очередной раз заглянула Валентина Андреевна. Заметив телефон, язвительно произнесла: – О! Наверное, несостоявшийся папаша! Чего не отвечаешь?

– Не ваше дело! – буркнула девушка, небрежно зашвырнула мобильник в тумбочку и с новой силой взвыла: – Сколько мне еще терпеть это! Я больше не могу-у! Вы же врачи! Вы должны помогать, а вы стоите и наслаждаетесь моими мучениями! Сделайте уже что-нибудь!

– Милочка моя, роды – физиологический процесс, он болезненный, и по-другому быть не может, но природа позаботилась и об этом. Когда ребенок появляется на свет и издает первый крик, мать забывает в одночасье о всех своих страданиях. А вот то, что происходит с тобой, противоестественно. И никакие таблетки не смогут спасти от этой боли. Это теперь тебе кажется, что ты решила проблему, а на самом деле ты ее приобрела. И тебе с этим жить. Нет у меня такой таблетки для тебя! – голос Валентины Андреевны звучал строго.

– Не нужен, не нужен мне этот ребенок! Я еще не готова стать матерью! Я не хочу его! Не хочу! – взвыла Вертушкина, и слезы полились градом. Она размазывала их по лицу, кусала губы, стараясь сдержать рыдания.

Валентина Андреевна вышла из палаты, бросив на ходу:

– Сделала бы я тебе укол, если бы была твоей матерью! Ты бы у меня его надолго запомнила!

Пугающие других пациенток стоны продолжались до вечера.

После дежурства Вера чувствовала себя нехорошо. Она спешила скорее уйти домой и ни с кем не разговаривать. Ника Вертушкина не выходила у нее из головы.

Ночной город светился огнями. Воздух пах растаявшим снегом и весенней свежестью. Они с Павлом долго гуляли по набережной, потом перешли мостик и свернули к огромному, сверкающему в темноте шару Национальной библиотеки. Вере не хотелось рассказывать о своих проблемах. Она долго держалась и все же не стерпела. Он молча слушал, не перебивал.

Когда Вера высказалась, еще минуту обдумывал все, а потом сказал:

– Это ужасно! Я никогда не задумывался об этом. Мне не хочется, чтобы ты там работала. Тебе просто нужно перевестись в другое отделение. Я поговорю с мамой, она поможет. У нее сохранились кое-какие связи, я думаю, вопрос решаемый.

Павел притянул Веру к себе и поцеловал в холодную щеку. Она прижалась к нему и почувствовала такой знакомый и волнующий запах его духов.

– Мне не хотелось бы твою маму сюда впутывать. Может, и на самом деле пройдет время и я привыкну к специфике своего отделения, как и многие девочки, работающие у нас.

– Не нужно привыкать к тому, что тебе неприятно, что заставляет страдать. Существует много различных вариантов, как избавиться от существующих проблем, если только ты не на подводной лодке. Но даже там не всегда бывает безвыходная ситуация. Кстати, запомни: никогда не отвергай помощь, даже незначительную. – Павел провел пальцем по ее носу. – Мы тут недавно с моими коллегами просматривали горящие туры. И мне пришла мысль: а не полететь ли нам с тобой куда-нибудь? Ты отдохнешь, приведешь свои мысли в порядок. А мама за это время подыщет тебе хорошее место. Можешь сейчас написать заявление на отпуск?

– Не знаю. А что я родителям и тетке своей скажу? – растерялась Вера. – Мне же нужно будет оправдание найти, где я...

– Скажешь своей тетке, что уехала домой, она же не часто перезванивается с твоими. А родителям звонить будешь, будто ты в Минске. За неделю никто ничего не заподозрит. И вообще, сколько можно прятаться? Мои хотят познакомиться с твоими!

С большим трудом удалось подписать заявление, но не на отпуск, а за свой счет. В принципе Веру это устраивало. Иначе потом могли возникнуть вопросы, почему сократились дни отпуска. Вера воспрянула духом. Она и понятия не имела, в какой тур они отправятся, но сама мысль, что целую неделю они будут вместе, приводила ее в восторг. Засыпая, Вера перебирала в памяти различные курорты, предполагая, на какое море они поедут. На дворе весна, март месяц, Черное море еще не прогрелось. Неужели в Турцию или Египет? И как потом объяснить загар? Или за неделю он не успеет взяться?

Сюрприз получился на славу.

– Мы отправляемся в Австрию, будем кататься на горных лыжах!

Павел вручил Вере два билета на самолет.

– Как в Австрию? – оторопела она, рассматривая билеты. – На самолете?

– До Цюриха, а оттуда в Санкт-Антон на автобусе прямо до курорта. – Павел радостно потер руки. – Я уже собрал все необходимое, лыжи стоят у меня в прихожей!

– Я думала, мы на море поедem, купальник себе купила, а тут лыжи! Я, конечно, имею кое-какое представление, даже пару раз участвовала в соревнованиях за звание школы, но не настолько, чтобы стать на лыжи и съехать с горнолыжной трассы!

– Ты будешь просто в восторге! Санкт-Антон – это историческое место: именно там зародился горнолыжный спорт. Трассы на любой вкус! Даже для таких чайников, как мы, найдутся, я тебя уверяю. Зато отдых какой! – глаза Павла горели азартом.

– Мне страшно! – честно призналась она.

– Ничего не бойся. Поехали ко мне, я купил нам костюмы, надо померить. Вдруг с размером не угадал, еще есть время поменять.

– Костюмы? – Вера так и ахнула. – Паша!

– Ну а как же без них? – улыбнулся он.

* * *

Сидя в низком мягком кресле, Елена Игоревна гладила сухой морщинистой рукой кота и, не сводя глаз с Веры, восторженно восклицала:

– Вера, деточка, тебе так идет! Так идет! Как так Пашка угадал с размером? Ты такая в нем красавица! Пашка – молодец! Постарался!

Легкий румянец смущения заливал лицо Веры, она чувствовала неловкость. Честно говоря, ей совсем не по душе были эти показательные сборы. Но Павел совершенно спокойно рассказывал матери о предстоящей поездке и, конечно же, не умолчал о ее родителях. Он честно и открыто сообщил, что Вера скрывает по определенным причинам их совместный отдых. Судя по лицу Елены Игоревны, она была немного расстроена и не могла понять, чем же ее сын не угодил их семье.

Рейс Минск – Москва был ранним, в шесть утра. После регистрации началась посадка на самолет. Вера чувствовала восторг и сильное волнение одновременно. Она заняла свое место у окна, Павел сел рядом. Завелись двигатели, и самолет начал набирать высоту. На несколько минут неприятно заложило уши. Павел протянул ей леденцы, и в скором времени все прошло. Он обнял ее, и они вместе смотрели, как удаляются от земли, постепенно исчезают из вида огни взлетной полосы. За окном потянулись белые туманные облака, уже полностью рассвело, внизу то и дело мелькали крыши домов, озера и реки. Незаметно навалился сон, и Вера с удовольствием в него провалилась.

Посадка на авиарейс Москва – Цюрих прошла благополучно. Вера уже не чувствовала онемение и дрожь в ногах.

Прямо из аэропорта Цюриха автобусом они добрались до гостиницы. В салоне, помимо них, сидели еще туристы, но русскоговорящих не было. Вера прислонилась к окну и с большим любопытством смотрела на бесконечные горы. Величественные Альпы сверкали снежными вершинами.

Они остановились в небольшом поселке. Среди построек возвышался собор Святого Антония, а вдоль широкого шоссе протянулась полоса гостиниц, ресторанов и магазинов.

У дверей гостиницы их встретил пожилой мужчина среднего телосложения, поприветствовал и помог поднять вещи наверх. Их двухместный номер с холодильником и душевой кабиной располагался на мансардном этаже. Большую часть комнаты занимала огромная кровать. Вере она сразу бросилась в глаза, и она сильно смутилась, не обнаружив рядом других спальных мест.

Павел поймал ее растерянный взгляд и поспешил успокоить:

– Здесь в основном все такие номера, так как отдыхают семьями или небольшими компаниями. Вера, я не хочу, чтобы тебя что-то тревожило и между нами возникли какие-то недомолвки. Эта кровать – обыкновенное спальное место для нас. Я ни к чему не собираюсь тебя принуждать. И ты ничего не должна делать против своей воли. Я люблю тебя, и мне хочется просто быть рядом с тобой, чувствовать твоё дыхание, когда ты засыпаешь. У нас с тобой появился такой шанс провести время вместе. Если ты не захочешь, между нами ничего не будет, – его голос постепенно перешел на шепот, и, не дожидаясь ответа, он поцеловал ее в губы.

Утром Павел притащил карту маршрутов, разложил ее на столе и долго рассматривал, затем задумчиво произнес:

– Да, новичкам здесь тяжело, легких трасс мало. Нужно было остановиться в другом месте, но мы не ищем легких путей! Да?

Он посмотрел на Веру. Она только что вышла из душа и выглядела великолепно. Влажные волнистые локоны красиво легли на голые плечи. Голубое махровое полотенце едва прикрывало грудь и бедра. По стройным длинным ногам стекали мелкие капли воды. Она стояла босиком на полу. Заметив его пристальный взгляд, улыбнулась и стала искать свой халатик.

Первые три дня катания удались на славу. Выбрали широкий и пологий зеленый склон, который отлично подходил для начинающих. Практически все подъемники работали, и склоны были в неплохом состоянии. Трасса пестрела яркими разноцветными одеждами туристов.

Среди отдыхающих почему-то так и не встретили ни одного русскоговорящего, но Павел прекрасно владел английским и французским, поэтому затруднений в общении они не испытывали.

В гостиницу возвращались уставшими, казалось, сил хватит только доползти до кровати и упасть не раздеваясь. Но стоило избавиться от лыж и одежды, как просыпался интерес к ночной жизни поселка. Днем открывался прекрасный вид из окна на живописные склоны, а с наступлением темноты улицы оживали бесчисленными желтыми огнями. Черда маленьких деревушек вспыхивала волшебным свечением. Горы отступали под покров синего неба, сверкая вдалеке снежными вершинами. Луна в ночном небе казалась непривычно большой и близкой.

Неподалеку от гостиницы находился веселый уютный ресторанчик, где всегда было полно народу. Порции здесь подавали на удивление гигантские: наверное, расчет был привлечь гостей и задержать их как можно дольше. Именно в этом месте, по совету Павла, Вера впервые попробовала необыкновенный луковый суп и гренки с сыром.

Накануне отъезда они все же доехали до наивысшей точки региона – вершины горы Валлуга. Из-за большого ветра маятниковый подъемник часто закрывали, и возможности туда попасть не было. С замиранием сердца Вера следила, как шестиместная кабина не спеша ползет вверх все дальше и дальше от земли. На вершине ждала традиционная смотровая площадка. Затаив дыхание, они смотрели вдаль – кругом сплошные горы, похожие на белоснежные пики. На фоне голубого неба великие Альпы сверкали и переливались в лучах солнца.

Они держались за руки, и Вера в эту минуту была по-настоящему счастлива. Ей очень хотелось сохранить приятные мгновения в памяти, продлить их. Но время неумолимо вело свой отсчет. Неделя получилась настолько насыщенной и живой, что складывалось впечатление, будто они находились здесь не менее месяца.

В день отъезда пожилая пара Николь и Якоб, владельцы гостиницы, тепло простились с ними, а Павел с Верой пообещали непременно вернуться в эту сказочную обитель.

Глава 4. Неприятная правда

За время их отсутствия в Минске ничего не изменилось, даже погода стояла такая же. У Веры в запасе было еще два дня. Павел отвез ее в деревню и уехал. По дороге к дому Вера встретила Марину, та бросилась к подруге с распростертыми объятиями.

– Я тебя с лета не видела! Похорошела-то как! А счастливая-то какая! Рассказывай, как жизнь в столице? Ты случайно там замуж тайно за своего Павла не вышла?

– Ой, Марина! Даже не спрашивай! Я так влюбилась! Ты и представить себе не можешь! – радостно улыбалась Вера. – У меня сейчас так хорошо на душе, что хочется закричать громко-громко: «Я люблю его!»

– Что стало с Верой-тихоней?! Я тебя не узнаю! – рассмеялась Марина. – Ты серьезно до сих пор встречаешься с этим минчанином? Ну он тебе голову и заморочил! Нельзя же так!

– И ты туда же! – Глаза Веры погрустнели.

– Да ладно тебе! Я только предостеречь хочу. Ты гуляй, гуляй, но меру какую-то знай. А то родители твои мне уже два дня подряд звонят. Спрашивают, где ты? Вы что, снова поругались?

– Как звонят? – Вера испуганно посмотрела на подругу.

– Вчера и позавчера звонили, – растерянно произнесла Марина. – А ты что, с ними не разговаривала? Ты вообще где была?

– В Австрии, – прошептала Вера и опустила в сугроб у дороги. – Они меня убьют!

– Так, подожди! Никто тебя убивать не станет! Ты взрослый человек. Они на тебя уже никаких прав не имеют! – Марина приземлилась рядом в снег и вытянула ноги на асфальт. – Давай рассказывай, что там с Австрией? Я не ослышалась?

– Мы с Пашей на горнолыжный курорт летали. Всего на неделю, я думала, никто об этом не узнает. Я даже по «Вайберу» родителям звонила, чтобы они ничего не заподозрили. А в последние дни связь плохая была, я подумала, ничего страшного.

– Вы че, серьезно в Альпах были? Там же шенгенская виза нужна. Это же не просто взял и полетел? А деньги? Это что, сейчас в Минске зарплаты такие? – не скрывала искреннего удивления Марина.

– За десять дней Паша все оформил: и визу, и документы необходимые. И тур нашел. – Она посмотрела подруге в глаза. – Что мне сейчас сказать родителям?

– Да ну их! – отмахнулась Марина. – Покричат и перестанут, не съедят же они тебя, в самом деле. Расскажи лучше, как вы там время провели. Я так тебе завидую! Хоть кому-то с мужиком повезло. А мне уже двадцать пять скоро, и никто даже на Черное море не предложит съездить!

* * *

...Желтая кнопка лифта горела непрерывно и не хотела гаснуть. Наконец кабинка перестала ездить туда-сюда и остановилась на третьем этаже. Павел вновь вызвал лифт, и механизм загудел. Двери с шумом распахнулись, он нажал свой этаж.

– Мама, папа, вы дома? – с порога спросил Павел, снимая одежду.

– Ой, как ты вовремя! Мой руки, я накрываю на стол, – выглянула из кухни Елена Игоревна. – Будем обедать без отца, он в баню пошел. Ты же его знаешь, раньше вечера не вернется.

– Мама, здесь такое дело, – Павел замаялся. – Ну, в общем, ты должна мне помочь. Родители Веры ждут нас в гости. Ты не переживай, я все необходимое уже купил. Завтра нужно ехать.

– Паша, ты меня удивляешь. Это что еще за новости такие? Завтра ехать, а я только сейчас об этом узнаю? – Она смотрела ему в глаза, пытаясь найти ответ. – Что-то случилось? Рассказывай немедленно.

– Почему сразу случилось? Нет, конечно. Тебе незачем переживать. Я уже давно хотел познакомить вас с родителями Веры. Теперь самое время.

– Давай начистоту, не юли. Она что, беременная? – Елена Игоревна не сводила глаз с сына.

– Ну, мам! У нас с Верой все хорошо. Я люблю ее. Просто из-за поездки в Австрию родители дают на нее, беспокоятся.

– Паша, я в этом фарсе не участвую! – Мать бросила передник на стул и облокотилась на подоконник. – С какой целью мы туда поедem? Ты вообще думаешь, о чем просишь меня? Ее родители явно ждут от тебя каких-то действий. А ты еще не развелся! И как это будет выглядеть?

– Не начинай! Мы с Лерой разведемся, как только она вернется из России. Это формальности, и мы их уладим. Я уже с ней созванивался, она препятствовать не намерена. К тому же у нее кто-то есть и ей это только на руку.

– Зная твою бывшую, я бы не была так уверена, – покачала головой Елена Игоревна. – А Верочка мне очень нравится. Кстати, совсем забыла сказать! – Она всплеснула руками и достала из шкафа бумагу. – Вот здесь номер заведующей отделением новорожденных, там у них как раз девочка в декрет уходит, так что место освобождается. И за Веру похлопочут. Ну а насчет поездки в деревню я тебе высказала свое мнение. Решай сам, как тебе поступить. И чем раньше ты расскажешь всю правду, тем лучше будет для вас обоих. Иначе кто-нибудь из «доброжелателей» может тебя опередить.

Встреча с родителями Веры прошла на удивление миролюбиво. Павел немного нервничал из-за того, что не сдержал обещаний, ведь должны были приехать мать с отцом. Однако хватило и присутствия его одного. Вера сияла от радости и не скрывала этого. Поэтому Павлу было немного совестно врать о плохом самочувствии матери, тем более что за столом не раз об этом вспоминали. Нина Ивановна собрала для Елены Игоревны несколько банок малинового варенья и мешок липового сбора. Затем в багажник отправились домашние маринады и соленья, а в завершение, вопреки всяким протестам, Александр Владимирович взгромоздил туда пару мешков отборного картофеля. Вера растерянно улыбалась, бросая короткие взгляды то на родителей, то на Павла.

Оказывается, если обе стороны прислушаются друг к другу, то вполне можно найти взаимопонимание и договориться. Александр Владимирович в этот раз был настроен на общение и не проявлял никакой враждебности. Правда, вопросов задавал много.

По дороге в Минск они молчали. Павел искал подходящий момент, чтобы откровенно поговорить с Верой. Нужно с чего-то начать. А с чего? Как ей сейчас объяснить, что он женат? Почему за полгода он так и не рассказал ей всю правду о себе? Поймет ли она его? И тянуть с этим больше нельзя, иначе он потеряет ее. Он смотрел на Веру и думал, какая же она все-таки красивая и нежная. За это время он очень сильно привязался к ней.

За окном мелькали голые деревья и серые поля, лишь кое-где у леса еще тянулись грязные полосы снега. Сумерки незаметно опускались на землю. Вере было неловко перед Павлом. Ей не хотелось, чтобы он расценил навязчивость родителей как намек на сватовство. Павел же вел себя как джентльмен, прощал Александру Владимировичу каверзные вопросы и много улыбался.

Вопрос с перераспределением решился очень быстро – Елена Игоревна постаралась на славу. В новом коллективе Веру приняли дружелюбно и без лишних расспросов. Неприятные воспоминания отошли на второй план и понемногу стали забываться.

* * *

Они долго гуляли вдоль набережной, встречаясь с такими же немногочисленными парочками. Несмотря на установившуюся теплую погоду, ночи еще дышали прохладой. Павел долго не решался завести нужный разговор, но откладывать его уже было невозможно.

– Вера, я даже не знаю, с чего начать. В общем, я очень виноват перед тобой. Я всегда ценю в людях честность и открытость. Мои чувства к тебе искренние с того самого дня, как мы познакомились. Никогда не знаешь, где и в какую минуту тебя накроют чувства. Вот именно там, у озера, меня и накрыло, когда я шел босиком рядом с тобой по теплему асфальту, едва касаясь твоей руки. В день нашего знакомства я для себя решил, что ты будешь моей. Я подумал, что если скажу правду, то потеряю тебя. Ты не захочешь со мной встречаться. А потом я уже ни о чем не думал. Мы вместе, нам хорошо, и никого другого не существует.

Павел замолчал, обдумывая, как правильнее изложить мысли. Вера шла рядом, и внутри нее что-то сжалось. Она вдруг четко осознала, что сейчас скажет Павел. И ей захотелось убежать прочь, лишь бы он не продолжал.

– Вера, я женат. Но это ничего не меняет. Наши отношения с женой в прошлом. Я люблю тебя! – Он обнял ее за плечи и крепко прижал к себе.

По телу Веры прошла дрожь, ноги слегка ослабели. Пусть это будет сон! Она же любит его, неужели так долго можно было молчать!

– Мы с ней разведемся. Это не займет много времени, тем более что вопрос о разводе решен давно. Уже пять лет, как мы не живем вместе.

– Ты женат пять лет? – удивилась Вера.

– Немного больше, чем пять, – виновато ответил Павел. – Я не хочу, чтобы ты плохо думала обо мне. Мою бывшую жену зовут Лера, она живет в Питере со своим бойфрендом. У них все замечательно, и я только рад этому. Мы просто разные, и совместными усилиями построить семью у нас не получилось. Она не такая, как ты, у нее другие ценности в жизни. Вера, ты должна мне доверять. Я виноват только в том, что не сказал тебе это сразу. Сама подумай, как бы это выглядело. Женатый мужик подкатывает к юной девушке. Да ты бы сразу меня прогнала! Ну что, не так, что ли?

– Не знаю.

Вера попыталась вырваться из объятий и уйти, но Павел держал ее крепко. Она осмелилась и посмотрела ему в лицо, выдержала долгий печальный взгляд. Попробовала проглотить неприятный ком в горле, но он мешал говорить, и голос от этого предательски дрожал.

– Ты любил ее?

В ожидании ответа Вера теребила пуговицу на куртке Павла.

– Поначалу нам обоим казалось, что мы любим друг друга. Все случилось так быстро: встречи, шумные вечеринки с друзьями, веселые дискотеки до утра, поездки на дачу к общим знакомым, а потом шикарная свадьба и семейные будни. Спустя полгода мы однажды разругались. Оказалось, я стал ей не интересен, а тихие ужины без друзей и бурного веселья ужасно скучны. Лера предложила пожить раздельно, а через месяц от знакомых я узнал о ее новом парне. Они познакомились в интернете. Его зовут Марк, он музыкант.

– И ты предложил расстаться? – серьезно спросила Вера.

– Нет. Я просто ждал, пока она сама мне обо всем не расскажет, – выдохнул Павел.

– Почему вы с Лерой не развелись? Кто-то из вас надеялся на примирение?

– предавший однажды предаст еще раз. – Павел внимательно посмотрел ей в глаза. – Я думаю, она не тот человек, с которым я мог бы прожить всю жизнь и планировать совместное будущее, строить планы.

Несколько дней Павел был в командировке, и они не виделись. Вера даже немного радовалась этому. Она не знала, как сейчас себя вести. Родной и любимый Павел вдруг стал таким далеким. Ей очень хотелось прижаться к нему, как и прежде, почувствовать его запах, мягкие теплые губы. Но после его признания в душе появился страх. Почему он с такой неохотой вспоминает свою жену? Почему Елена Игоревна ни разу не обмолвилась о невестке? И почему в их доме нет ни одной совместной фотографии Павла и Леры? А вдруг он еще любит ее? Какие доказательства его искренности ей нужны? Вера не могла ждать, ей нужно было немедленно с кем-то поделиться своими переживаниями.

Как только автобус притормозил на шоссе, Вера вышла. Ей хотелось немного пройтись по деревне. В прошлый раз они здесь встретились с Мариной. Но сегодня это маловероятно: подруга, скорее всего, работает допоздна. Удивительное голубое небо! Почему-то в Минске она его совсем не замечает. И воздух здесь другой, дышится легко.

– А Павел почему не приехал? – с подозрением спросила Нина Ивановна, встретив дочь в прихожей.

– В командировке он, – как можно спокойнее ответила Вера.

– Может, поругались уже? – с улыбкой недоверия мать прищурила глаз.

– Мама, не нужно придумывать. У нас все хорошо.

– Вера, ты не беременная, случайно? Я же по глазам вижу, что что-то не так.

– Почему тебя это так волнует?! С чего такие подозрения? – вспыхнула Вера. – Я могу, как все нормальные люди, приехать к себе домой?! Вы постоянно меня в чем-то подозреваете!

Вера сдалась и села в кресло. Ей очень хотелось сейчас прижаться к матери, расплакаться и рассказать, как ей плохо, что на самом деле она тоже не согласна на такие отношения, ей хочется выйти замуж за Павла и родить ему детей. Но только все складывается не совсем так, как хочется.

Выдохнув, она отрапортовала на одном дыхании:

– Паша женат. Сейчас они разводятся с женой, поэтому его родители отложили знакомство на некоторое время. Я не хотела тебе рассказывать, но раз уж так получилось, то, наверное, вам лучше знать об этом и не настаивать ни на чем. У него хорошая семья, и вы непременно подружитесь. Ну так получилось, понимаешь?

Нина Ивановна за ночь все обдумала и остыла. Может, и к лучшему, что так вышло. Не нужно им богатых женихов, вон и своих в деревне хватает. Да и какое замужество? Рано еще, успеет пеленками обвешаться.

...Маршрутка подъехала к обочине, и Вера поторопилась войти в салон.

Нина Ивановна крепко сжала ей руку и, глядя в глаза, произнесла:

– Смотри мне там!

За окном мелькали ожившие после долгой зимы деревья. Вера рассматривала их, погрузившись в невеселые мысли. Последние слова матери озадачили ее и окончательно лишили покоя. Вместо поддержки и дельного совета только ругань и упреки. Почему нельзя с мамой поделиться самым откровенным и наболевшим? Хорошо, что есть Марина и Света, они всегда могут помочь.

Ситуация была не из приятных. Вера не хотела думать о жене Павла и уж тем более видиться с ней, хотя интерес, несомненно, был.

Вскоре с Лерой они встретились совершенно случайно. Однажды Елена Игоревна попросила Веру утром зайти к ней сделать укол. В последние дни женщина чувствовала себя нехорошо.

Поднимаясь по лестнице, Вера столкнулась с эффектной яркой блондинкой. Та окинула ее взглядом и, спустившись на несколько ступенек, обернулась, будто хотела что-то сказать. Сердце неприятно екнуло, и вдруг Вера ясно осознала: это она! Девушки молча разошлись.

Елена Игоревна открыла сразу. Предложила Вере чаю и стала искать лекарства. У женщины заметно тряслись руки, и она долго не могла собраться. Носила в руке шприц, но при этом не понимала, где он. Затем начался поиск очков. В конце концов, Елена Игоревна не выдержала и опустилась в кресло.

– Надо же! Эта девица хочет квартиру! – начала она без предысторий. – А квартиру, между прочим, мы с мужем покупали. Подарили им на свадьбу. Пусть у молодых будет жилье! А теперь эта нахалка заявила и качает свои права!

Вера ничего не отвечала, ей совсем не хотелось вмешиваться не в свое дело. Да и что она может сказать? Пусть сами разбираются с бывшей невесткой. Веру сейчас больше волновало другое. Когда они столкнулись с Лерой в подъезде, Веру поразило то, что девушка была очень на нее похожа, даже ростом и комплекцией. Только волосы у Веры натуральные, от природы светлые и никогда никакими красками не порченные. Лера же – яркая крашеная блондинка.

– Я сразу была против их брака. Не раз Паше об этом говорила. Лера не создана для семьи. Она ветреная какая-то. И хозяйка из нее совсем никакая. Мы с Виктором Романовичем в гости заходили к ним, так она даже чаю ни разу не предложила! – кипела Елена Игоревна. – Втюрился в нее по самые уши! Ну что с ним поделаешь!

Вера почувствовала неприятное волнение. Елена Игоревна опомнилась, и ей стало неловко. Она поспешила переключиться на что-нибудь другое, лишь бы не обидеть девушку, хотя внутри у нее все klokотало и гнев просился наружу.

– А вам не кажется, что мы с Лерой внешне очень похожи? – Вера сама от себя не ожидала такого вопроса.

– Нет-нет! Вы совсем разные! Да и с чего ты такое взяла? – смутилась женщина.

– Мы встретились с ней на лестнице, – неохотно ответила Вера, ей не терпелось закончить разговор. – У нее такие же длинные волосы.

– Ах, ты про это? Да крашеные они! – подтвердила ее предположение Елена Игоревна. – Я тебе сейчас покажу.

Она открыла ящик комода и извлекла оттуда папку. Павел с Лерой, прижавшись друг к другу, улыбались. Это была свадебная фотография.

– Видишь, она здесь брюнетка. Это уже когда расстались, она в блондинку перекрасилась. Лера очень следила за собой. Салоны различные посещала. Все дни у нее были расписаны. Только одной косметики целый чемодан, а платьев сколько и обуви! Весь шкаф коробками заполнен доверху! – Елена Игоревна развела руками. – Ты не говори Паше о нашем разговоре. Да и о фотографии лучше не напоминать. Она, наверное, одна-единственная и осталась.

* * *

В день развода у Веры был выходной. Павел почему-то именно на этот день взял билеты в Большой театр. Ей пришлось сразу надеть вечернее платье и шпильки. Машину оставили на ближайшей стоянке и пешком через дворы вышли к кафе.

– Закажу столик, ты посидишь немного, только не скучай! – улыбнулся он. – У Леры в загсе какие-то знакомые, так что разведут нас быстро. Это событие мы отметим и сразу на премьеру.

Что в таких ситуациях желают, Вера не знала. Поэтому решила промолчать. Послала вслед воздушный поцелуй и устала в меню. Никаких напитков и мороженого не хотелось. Сейчас бы выйти на свежий воздух и прогуляться.

Для Веры семья – святое. Во многом свою роль сыграло воспитание. Что бы там ни было, нужно терпеть, и нельзя выносить за пределы дома ссоры, разногласия и обиды – так учила ее бабушка, мама отца. Развод – это плохо. Разведенный человек – грешник. Хорошего мужа жена никогда не оставит и не позволит ему покинуть свою семью. Вера прекрасно помнила

эти нравоучения. И всегда удивлялась взаимоотношениям деда и бабушки. Дед был сурового нрава, и ему под руку было лучше не попадаться. Бабушка, Евгения Васильевна, послушно сносила все обиды и не перечила мужу. Во всем с ним соглашалась, но незаметно направляла дела в нужное русло. И, совсем того не замечая, дед менял свои решения, наивно полагая, что он сам до этого додумался. Когда в итоге ничего не получалось, домой дед возвращался не в духе и с порога начинал браниться, швырять вещи в разные стороны. А бабушка молчала, соглашалась, будто и вправду признавала свою вину, для виду бегала перед носом недовольного мужа, а сама внучке хитро подмигивала.

Соседская ребятня деда боялась: как только его видели у ворот, сразу разбегались по домам. Не любил детской возни и отец Веры. В доме должна быть тишина. Подружки это чувствовали и чаще звали девочку на улицу, предпочитая не мозолить глаза взрослым. Вера прекрасно помнила, как бабушка не раз упрекала ее отца в излишней суровости. Качала неодобрительно головой, а потом прижимала Веру к своей мягкой груди, гладила по спине, что-то ласковое шептала. До сих пор Вера помнила ее неразгибающиеся сухие, сморщенные пальцы. Шершавая от работы ладонь то и дело цеплялась за одежду. Евгения Васильевна любила носить длинные цветастые юбки и крупные разноцветные бусы. Закручивала тугую косу в высокую гульку и крепила ее черными шпильками. А поверх повязывала белый платок, немного напуская его на лоб, фиксировала кончики прямо на макушке.

Именно таким и остался в памяти образ бабушки Евгении. Уже лет десять, как пустует их дом на соседней улице, а Вере до сих пор хочется открыть запертую калитку, вдохнуть тот особенный запах сений. На деревянном шесте всегда висели пучки тмина, мяты, чабреца, укропа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.